

Дарья Донцова

Тороскоп
птицы
феникс

Сладствие ведет ассистент **Евлампия Романова**

Дарья Аркадьевна Донцова
Гороскоп птицы Феникс
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 42

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23295592

*Донцова, Дарья Аркадьевна. Гороскоп птицы Феникс: Издательство
«Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-94244-2*

Аннотация

Подруга, как всегда, подбросила проблему – попросила на время приютить ее папу и маленькую собачку. Так в доме Евлампии Романовой поселился профессор психологии Барабан Сосисович, как его дружно принялись называть все члены семьи, и чихуахуа Антонина. И вот теперь холодильник забит одними сосисками, Лампа выращивает какое-то диковинное растение и круглосуточно слушает детские музыкальные книжки. А ей, между прочим, преступников надо ловить. В их с Максом детективное агентство обратилась Елена Рыльская, у которой погибла за короткий срок вся семья, и количество жертв продолжает расти. Только Евлампия поговорит с полезным свидетелем, как тот сразу оказывается на больничной койке или

в морге. Что же такое происходит? И при чем здесь дорогие шоколадные конфеты?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	78
Глава 10	91
Глава 11	96
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Дарья Донцова

Гороскоп птицы Феникс

© Донцова Д.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

– Есть отличный совет мужчинам: если к вам неожиданно подходит сзади кто-то, приятно пахнущий духами, закрывает вам глаза маленькими, мягкими ладошками и ласково щебечет: «Зая, угадай, кто это?» – то следует быстро ответить: «Серега, хорош идиотничать».

– Но это же явно женщина, буквально по всем приметам – парфюм, маленькие руки, да еще идиотское обращение «Зая», – удивился Макс.

– Правильно, – кивнул Сергей. – Но какая именно? Знакомых дам у вас наверняка много, вдруг не угадаете? Скажете: «Таня», а за спиной окажется Катя. Ой, нехорошо получится! Поэтому я повторяю: исключительно в целях самосохранения всегда надо озвучивать мужское имя.

– Так она обидится, – возразил мой муж.

– Конечно, – согласился Сергей. – Но! Вы купите ей подарок, и все будет о'кей. А вот если перепутаете... Тогда дамочка не просто обидится, а разъярится, впадет в эфиопский гнев, начнет метать молнии, сожжет вас из огнемета, применит напалм. В первом случае вы быстро искупите свою вину – хватит плюшевой игрушки, букета или коробки конфет, какой-нибудь пустяковины, врученной со словами: «Котя, прости, замотался совсем. Хочу, чтобы мы поехали с тобой отдыхать на море, поэтому пашу трактором, и мне уже

езде коллеги чудятся». Вас живо простят. А вот если прозвучит женское имя... Ого-го!!! Тут уж понадобятся кольцо с бриллиантом, шуба, месяц на Канарах... И всего этого будет мало. Вам до конца жизни станут напоминать ту оговорку. Оно вам надо? Итак, что касается собаки. Как зоопсихолог с огромным опытом работы могу сказать: Антонина находится в тяжелом стрессе. Говорите, ее хозяйка временно уехала?

Макс стал вводить ветеринара в курс дела, а я молча слушала мужа.

...Моя подруга Нина Еськина постоянно летает за границу, мечется по маршруту Москва – Милан – Париж – Нью-Йорк – Лондон. Дело в том, что она закупщица вещей для продажи в большом московском магазине, вот и носит ее по всем фэшн-неделям – ей же нужно быть в курсе всех новинок моды.

У Еськиной есть папа Роман Борисович и чихуахуа Антонина. Когда моя подруга улетает, за ее отцом и собакой присматривает милейшая Наташа. Сиделка живет в квартире Нины, и все довольны. Но в понедельник случился форс-мажор.

Еськина позвонила мне в панике из аэропорта и закричала в трубку:

– Лампа! Спаси! Я уже прошла паспортный контроль, минут через десять направлюсь в самолет, то есть я сама ничего не могу сделать. А у меня беда: Наташа побежала в бу-

лочную, упала и сломала ногу, ее сейчас «Скорая» в клинику везет. Папа и Тося остаются одни. Умоляю, забери их к себе! Привезу тебе из Милана все что хочешь! Сбрасываю на твой номер телефон Алевтины. Она будет к тебе приходиться и заботиться о них днем, но ночевать не сможет. Лампуша, ты же знаешь Романа Борисовича, он, когда работает, все на свете забывает. Пойдет на кухню, включит плиту, забудет потом газ потушить... Короче, присмотр за отцом нужен. Кстати, сейчас мой шофер привезет тебе мой подарок – из Испании ветчинку, я ногу хамона приволокла. Ах да, Антонине надо капать в глаза. Лекарство тоже водитель доставит. Обязательно угощай Тоську сыром, она его обожает – капельки сильно щиплются, пармезан собачке награда за терпение. У тебя вроде еще должен остаться. Или ты его уже весь слопала? Ой, а ведь и папе надо в глаза капать! Господи, у меня голова идет кругом...

– Успокойся, – велела я, – сейчас же отправлюсь за твоими сокровищами. Романа Борисовича поселю в гостевой, а Тося прекрасно подружится с Мусей и Фирой, мои мопсы дружелюбны. Улетай спокойно. Только не забудь притащить мне из Милана килограмм настоящего пармезана – запас пока есть, но мало осталось. И четыре, нет, пять коробок «бискотти» с апельсиновыми цукатами. Только не с шоколадной крошкой, такое печенье я терпеть не могу.

– Я тебя обожаю! – завопила Нина.

И в эту же секунду до меня донесся голос аэропортовско-

го информатора: «Заканчивается посадка на рейс Москва – Милан».

– Всю жизнь тебе благодарна буду! – надрывалась Еськина.

– Беги в самолет, – скомандовала я.

– Уже несусь по трапу, – ответила Нина. – Аля очень хорошая, ты с ней поладишь... Здравсти, вот посадочный. Что? По какой причине? Мне всегда эту сумку в кабину проносить разрешают...

Разговор прервался.

Я быстро оделась и поспешила к Еськиной. А вскоре, едва я доставила в свою квартиру профессора и собачку, – в дверь позвонили: приехал водитель Нины. Парень протянул мне здоровенный белый пакет с надписью «Madrid», небольшой полиэтиленовый мешочек и сказал:

– В пакете хамон, ногу надо держать при комнатной температуре. А в мешочке капли для глаз и пармезан. Это для Тоси. Нина Романовна подумала, что у вас сыра мало осталось.

– Ветчинку отнесу в чулан, – решила я, забирая белый пакет, – а лекарство в холодильник, на дверцу поставлю.

Романа Борисовича и Антонину я привезла к нам в субботу днем. Алевтину же попросила прийти в понедельник, то есть сегодня. Как только сиделка появится, я планировала уехать в офис. К Максиму на прием записалась новая клиентка, и муж попросил меня поговорить с женщиной.

Поясню: я у супруга некто вроде кастинг-директора. Если, на мой взгляд, посетитель выглядит неадекватным, именно я говорю ему:

– Простите, у нас сейчас полная занятость, очень хотим, но не имеем возможности заняться вашей проблемой.

Бывает, человек настаивает, проявляет агрессию (случается и такое), но у меня есть железобетонная отмазка:

– Владелец агентства находится в командировке, но, когда вернется в Москву, я тут же отправлюсь к нему и доложу о вашей проблеме. Сама не принимаю решений, я всего лишь добросовестный исполнитель.

Клиент успокаивается, покидает агентство, и в девяти случаях из десяти мы о нем более никогда не слышим. Понимаете теперь, почему Вульф прикрывается мной? Посторонние люди понятия не имеют, что беседуют с женой владельца агентства.

Повторяю, я совершенно спокойно назначила встречу на понедельник, зная, что сиделка приедет в одиннадцать и мне можно будет умчаться по делам. Но совершенно неожиданно возникла проблема.

Очутившись у нас, Антонина стала вялой, ходила по комнатам и коридорам опустив голову. Собачка не бегала, не играла с мопсами, не ела, только очень много пила. Когда чхуня в первый вечер своего пребывания отказалась от ужина, я решила, что она тоскует по Нине. Хотя это странно – Еськиной ведь постоянно нет дома, Тося должна была давно при-

выкнуть к отсутствию хозяйки. Да и Роман Борисович сейчас находится тут, как обычно рядом, а его псинка считает главным хозяином.

В воскресенье утром, увидев, что Тося отказывается от завтрака, я не выдержала и позвонила нашему ветеринару Паше.

– Алло... – раздался в трубке сонный голос.

– Ты заболел? – насторожилась я.

– Нет. Я в Нью-Йорке, у брата, – пояснил Паша, – а здесь три часа ночи.

– Ох, извини, не знала, что ты отправился к Мише, – стала оправдываться я.

– Кто-то заболел? – встревожился Паша. – Позвони Лёне, он приедет.

Я тут же соединилась с Леонидом, который примчался на мой зов, захватив с собой аппарат УЗИ, передвижную лабораторию и кучу разных лекарств. Проведя тщательную диагностику, он вынес вердикт: Антонина здорова, как корова.

– Но она отказывается от еды, – напомнила я.

– Не полопает пару дней, потом за милую душу миску вылизет, – пожал плечами Леня. – Готов спорить на новый эндоскоп, что хозяйка ее с рук кормила, по квартире за чхуней с ложкой бегала, а та морду воротила, мол: «Не хочу паровую куриную грудку, подайте котлеты из омара». Короче, избаловали собаку донельзя. Успокойся, нет ни малейшего повода для волнений.

Я взяла Тосю на руки.

– Откажись от корма мопсика Фира, чей объем талии давно превысил рост, я совершенно бы не переживала. Но глянь на чихуахуа – крохотная, лапки как макароны, еще заболел от недостатка пищи.

– Она хитрюга и манипуляторша, – не согласился Леонид, – весьма распространенный среди комнатных любимчиков тип. Если ты начнешь причитать, сюсюкать, предлагать ей разные вкусности, эта особа живо скумекает, что из тебя можно шарфы вязать, и сядет тебе на шею. Прояви твердость, не поддавайся, и в понедельник Антонина табуретку схочмячит. Без соуса. Не смей предлагать ей курятину! Пусть ест свой корм.

Сидевшая на моих руках собачка горестно вздохнула и задрожала. Я ощутила, как под ее тонкой шубкой двигаются хрупкие ребра, с трудом подавила желание немедленно дать Тосе кусок отварной курицы и пробормотала:

– Попробую.

Надевая в прихожей куртку, Леонид решил еще раз проинструктировать меня:

– Запомни: только ее еда! Исключительно! Никаких курочек, отварных языков, котлеток, конфеток и прочего. Во-первых, все это вредно для здоровья, а во-вторых, ты спровоцируешь большие проблемы.

– Хорошо, хорошо, – сказала я.

Вечером, когда я кормила собак, ко мне заглянула сосед-

ка, увидела, как чихуахуа сидит в сторонке, узнала, что она второй день ничего не ест, и пришла в ужас.

– Боже! Этот ветеринар Леонид совершенно бездушный тип! У меня, как ты знаешь, две чхуни, и обе такие эмоциональные, нервные, переживательные. Знаю, что надо делать. тебе необходим зоопсихолог Кротов. Это он спас моего Чарлика от суицида, когда пес хотел с балкона прыгнуть. Все, набираю его номер... Сергей, алло! Спасите, у моей подруги погибает чхуша...

И вот сегодня, в понедельник, доктор приехал к нам. Больше часа осматривал Антонину, а затем объяснил:

– Положение непростое, но пока не безнадежное. Я вам скажу, что нужно делать.

Целый час мы с Максом выслушивали указания Кротова. В конце концов у меня закружилась голова. Собачий душевед говорил безостановочно, каждое указание он повторял по три-четыре раза, потом спрашивал:

– Вам ясно?

Услышав от нас с мужем дружное «да», опять начинал твердить то же самое. И вот теперь, не умолкая, Кротов принялся давать советы персонально Макс, как надо вести себя в разных ситуациях. Ну, например, если к моему мужу неожиданно подойдет сзади кто-то, от кого приятно пахнет духами... Меня зоопсихолог почему-то игнорировал. И ничему, слава богу, не учил. Может, Сергей считал Макса лаборатором или ньюфаундлендом, а меня беспородной псиной,

недостойной внимания?

Когда меня уже стало подташнивать от болтовни Кротова, раздался звонок в дверь. Я, страшно довольная тем, что могу выйти из комнаты и не слушать безостановочно вещавшего звериного доктора, ринулась в прихожую и выпустила в дом женщину лет сорока пяти.

– Аля, – представилась она, ставя на пол спортивную сумку, – я ухаживаю за Романом Борисовичем. Могу сидеть с ним сколько угодно, хоть до позднего вечера, но ночевать буду уезжать домой.

Помыв руки, Алевтина подошла ко мне и смущенно сказала:

– Можно вас попросить?

– Конечно, – кивнула я.

– Роману Борисовичу надо капать в глаза.

– Верно, – согласилась я, – пузырек на двери холодильника стоит.

Сиделка умоляюще сложила руки.

– Можете сами это делать?

– Да. А почему вы не хотите? – удивилась я.

– Еськину так плохо от них, лекарство ужасно щиплет, – запричитала Алевтина. – Не могу человеку больно делать, прямо сердце останавливается от жалости. Бедный Роман Борисович! Кстати, гадость эта совсем ему не помогает. Профессору просто нужно поменьше работать. А то он утром в шесть встает и весь день читает и пишет, читает и

пишет, читает и пишет. Вы слышали, что академик изучает цивилизацию Нунто?

– Нет, – призналась я. – Знаю, что отец Нины преподает в вузе и является автором научных книг, но в подробности никогда не вникала.

Алевтина затараторила:

– Роман Борисович такой умный! Что его ни спроси, всегда ответ знает. Не то что мой папаша, от которого на все вопросы одно только слово «отвали» и услышишь. Роман Борисович сейчас пишет книгу о том, чем люди эпохи Нунто отличаются от нас. Он проводит исследование на студентах, аспирантах. Сравнивает современную российскую молодежь с юными нунтянами, которые жили пять тысяч лет назад. Когда я его сиделку подменяю, профессор мне о своем труде рассказывает.

Я удивилась. По поводу работы профессора со студентами у меня вопросов не возникло. А вот откуда Еськин может знать, какими на самом деле были древние нунтяне? Их-то уже не расспросишь.

Мой телефон, лежащий на полке у зеркала, весело затренькал. Я взяла трубку, заметила, что номер звонившего скрыт, и сказала:

– Слушаю вас.

– Гороскоп птицы Феникс, – произнес хорошо поставленный женский голос, – советы астролога. Вы получили подписку в подарок от друга. Сегодня вас ждет день хлопот.

Послышался звон колокольчиков, потом воцарилась тишина.

Я положила мобильный в сумку. Ну и кто подключил меня к этой ерунде? Я не верю ни в магию, ни в гадания, ни в колдовство, ни в астрологию.

– Лампа, нам скоро уезжать, – сказал Макс, появляясь в холле. – Жаль, еще могли бы поговорить с Сергеем, но дела, дела. А вы, наверное, сиделка Романа Борисовича?

– Аля, – представилась женщина.

– Сергей, – назвался зоопсихолог, который вслед за Максом появился в прихожей и тут же схватил его за рукав. – Мне нужно еще раз подробно объяснить вам, что надо делать с Антониной. Сяду с вами в машину, и пока вы по пробкам до офиса добираться будете, подробненько растолкую, как общаться с Тосей.

– Мы ездим на разных автомобилях, – заметил муж.

– По данным психологов, женщины лучше запоминают указания врачей. И они аккуратнее, чем мужчины, их выполняют, – менторски произнес Кротов. – Евлампия, я отправлюсь с вами.

Я представила, как пробираюсь по улицам, слушая непрерывный бубнеж Сергея, и предложила:

– Мне предстоит насыщенный день, вернусь в родную норку очень поздно. В квартире останется одна Алевтина, думаю, вам лучше ввести в курс дела именно ее.

Я показала на чихуахуа, которая с самым несчастным ви-

дом сидела, прижавшись к стене, и обратилась к сиделке:

– Аля, Антонина несколько дней не ела. Ветеринар сказал, что физически псинка здорова, поэтому мы к ней вызвали психолога.

– Ой, моя миленькая! – заохала сиделка. – Ой, как же так! Ой, киска...

– Собака, – тут же поправил Сергей.

– Конечно, я все для нее сделаю, – продолжала Алевтина. – Ах ты, моя зайнька! Кисонька сладенькая!

– Она собака, – опять уточнил зоопсихолог.

Я пошла в спальню за своей сумкой. Кротов невероятный зануда, впервые встречаю такого человека.

Глава 2

– Елена Сергеевна, вы думаете, что кто-то убивает всех членов вашей семьи? – уточнил Макс у худенькой девушки в темном платье.

– Вы не поняли? – разозлилась та. – Я же объяснила, растолковала! И зачем только сюда пришла? Какого черта меня к вам принесло?

Лицо посетительницы побагровело, она начала стучать кулаками по столу, хватать ртом воздух. Макс быстро нажал на кнопку в столе, а я налила в стакан воды и поставила его перед Еленой. Та одним движением отправила стакан на пол и завизжала:

– Ненавижу всех, ненавижу! Тупые, мерзкие, вонючие идиоты!

В переговорную вошел только что вызванный Вульфом медэксперт Федор. Он сразу понял, в чем дело, и, открывая свой чемоданчик, ласково произнес:

– Давайте-ка давление померяем...

– Пойди повесься, кретин! – взвизгнула Елена. Затем застыла с раскрытым ртом, неожиданно упала грудью на столешницу, уронила голову на лежащий перед ней лист бумаги и замерла.

– Что с ней? – испугалась я.

Федор наклонился над клиенткой.

– Она спит.

– Спит? – изумленно повторила я. – В каком смысле?

– В прямом, – улыбнулся эксперт. – Слышишь, тихо так похрапывает.

– Что это было? – удивился Макс. – Мы ничем ее не обидели. После того как Елена рассказала, по какой причине обратилась к нам, я задал первый вопрос, и случился взрыв эмоций.

Медик почесал переносицу.

– Классический истерический припадок. Одна из острых форм проявления психоневроза истероидной личности в ситуациях, не соответствующих ее желаниям, требованиям и представлениям. Своего рода протест и провокация с целью получения личной выгоды и привлечения внимания. Это, как правило, случается у женщин и детей преимущественно в дневное время. С мужчинами происходит крайне редко. Обычно вразнос человек идет, услышав нечто, не соответствующее его ожиданиям. Подчас это бывает сущий пустяк. Кто-то глупо пошутил без желания обидеть, и, что называется, дерьмо попало в вентилятор.

– Последние твои слова очень поэтичны, – вздохнула я.

– Ничего неприятного я Елене не говорил, – стал оправдываться Макс, – у нас была обычная деловая беседа.

– А с чем она пришла? – заинтересовался Федор. – У таких личностей часто бывает неадекватная оценка поведения окружающих. Продавщица в магазине советует покупатель-

нице: «Не берите это платье, оно вас полнит», а клиентка бросается на нее с воплем: «Позовите управляющего! Как вы посмели меня жирной коровой обозвать?»

Макс посмотрел в ноутбук, стал перечислять данные.

– Елена Сергеевна Рыльская, замужем не была, детей нет, поэтесса...

– Ух ты! – потер ладони Федя. – Говорю же, классика жанра. Творческая интеллигенция, типичный истероид. Поди, она непризнанная Цветаева?

Макс покосился на клиентку.

– Ты уверен, что она спит? Все равно, пойдемте-ка лучше в мой кабинет. А здесь пусть пока Алена посидит. И позовет нас, когда клиентка очнется. Виктор, ты с нами!

Стройный парень, сидевший до сих пор молча, поднялся. Я внимательно посмотрела на него. Виктор Глебов появился у нас недавно, к работе приступил только вчера, так что пока я о нем ничего сказать не могу, знаю лишь анкетные данные.

Мы переместились в соседнюю комнату, Вульф продолжил:

– Елена выпускница филфака, неделю проработала в школе и уволилась. С тех пор, по ее словам, она пишет книгу – поэтический сборник.

– Где она служила? – полюбопытствовал эксперт.

– Сначала получала высшее образование, затем поступила в аспирантуру и три года наукой занималась, но диссертацию не защитила. Семь дней была преподавателем русского

языка в гимназии. Уволилась, принялась слагать вирши, за несколько лет поэтической карьеры опубликовала три стиха в газете «Слово к читателю», – объяснил Макс.

– Не слышал о таком издании. Поскольку Рыльская на вид вполне упитанна и пришла сюда не голой, делаю вывод, что ее кто-то содержит, – не удержался от ехидного замечания Федор. – Девушки, которые позволяют себе истерические припадочки, как правило, вкусно и много едят. У тех же, кто вынужден много и тяжело работать, чтобы купить себе кусок хлеба, обычно нет времени на спектакли.

Я решила заступиться за клиентку.

– До недавнего времени у Елены была состоятельная семья. Отец, Сергей Николаевич, владел небольшим магазинчиком креативных подарков.

– То есть глупых, – захихикал Виктор. – В таких лавках продают пукающие подушки, кружки, из которых нельзя напиться, потому что чай проливается мимо рта, и всякое такое прочее. Хочется посмотреть хоть на одного идиота, который данный креатив считает прикольным и сам подбрасывает коллегам в чай пластмассовых тараканов.

Я постаралась не расхохотаться. В год нашего знакомства Вульф именно этим и занимался. Правда, потом перестал, теперь он разыгрывает людей иначе. Но все наше детективное агентство в курсе того, как его владелец обожает розыгрыши.

– Давно не заходил в такие лавчонки, раньше в них много

интересного продавалось, – мечтательно протянул Макс. – Например, кричащие тапки. Всунешь ноги в них, а они орут: «Ай, не нажимай на нас!»

Виктор ойкнул, а я продолжила:

– Зарабатывал Сергей Николаевич немного, его жена Галина Алексеевна приносила в семейную кассу куда больше звонкой монеты. Она специализировалась на пошиве одежды для домашних питомцев знаменитостей: мастерила шубки для голых мексиканских собак, вечерние туалеты сиамским кошкам, свитера хомякам и так далее. Еще дама делала лежаки, кровати, диваны...

– Наши мопсы очень бедно живут, – хмыкнул Макс, – им купили дешевые попоны в обычном магазине. А вот вчера я случайно по телику увидел кролика певца Киндера – этот длинноухий носит эксклюзивную доху за сорок тысяч рублей. Она из шиншиллы.

– Отлично – заяц в манто из крысы... – поежился Глебов. – Треш!

– Галина Алексеевна была завсегдаем светских вечеринок, – продолжал мой муж, – ее фото часто мелькало на страницах гламурной прессы. Елена бродила по фуршетам вместе с матерью. Вот, смотрите!

Макс развернул ноутбук экраном к нам.

– Снимок с юбилея композитора Бутова. Читаем подпись: «Владелица элитного ателье для домашних животных Галина Рыльская и ее красавица дочь Елена, известная поэтесса,

поразили присутствующих драгоценностями от ювелирного дома Геннадия Крохова».

– Неплохо у них дела идут, – присвистнул Федор. – В камнях я не дока, но то, что на дамочках, выглядит дорого-богато.

Вульф вернул компьютер в прежнее положение.

– Дела у них как раз тогда шли отвратительно. Незадолго до веселой тусовки скончался брат Елены. Вадим был известным боксером, провел много боев, ни один не проиграл, собрал кучу титулов и вдруг умер.

– От чего? – удивился Виктор.

– Споткнулся в торговом центре, – ответила я, уже знавшая эту историю. – Упал, ударился головой о пол, в мозгу лопнул сосуд. Смерть наступила почти мгновенно. Жизнь Вадима оборвалась на взлете. До того как впасть в истерику, Елена объяснила нам, что патологоанатом не нашел в его смерти ничего криминального. Он сказал родственникам, что многие из спортсменов из-за частых черепно-мозговых травм страдают разными недугами. Вспомним, например, знаменитого Мохаммеда Али. У профессиональных боксеров уже в тридцатилетнем возрасте могут возникнуть серьезные проблемы со зрением, слухом, речью, координацией движений.

– Парень умер, а мать с сестрой веселиться поперлись? – неодобрительно спросил Федор.

– Для них тусовка не развлечение, а работа, надо посто-

янно привлекать новых клиентов в ателье, – вздохнула я. –
Вслед за сыном вскоре ушел отец – инсульт. Потом умерла
Галина Алексеевна – онкология.

– Елы-палы, – пробормотал Виктор, – не повезло девушке.

– Вот почему она в истерику впала, – смутился Федя, –
живет в постоянном стрессе.

У Макса заиграл телефон, Вульф взглянул на экран.

– Елена проснулась.

Глава 3

– Как вы себя чувствуете? – спросил медэксперт, когда мы толпой вернулись в переговорную.

– Плохо, – прошептала Рыльская, – мне очень-очень-очень плохо.

– Федя, вызови «Скорую», – распорядился Макс.

– Нет! – испугалась Елена. – Не надо, они меня отравят.

– Если вы не доверяете муниципальным докторам, можем отправить вас в клинику с безупречной репутацией, – начал Макс, – она принадлежит моему другу, который никогда...

– Наша семья посещала центр «ФИСИ», – перебила Елена.

Я сказала:

– Отличное медицинское учреждение, мы сами там полис купили.

– Когда умер Вадик, – прошептала Лена, – папа сказал: «Дело нечисто». А потом они с мамой жутко поругались.

– Из-за чего? – поинтересовался Макс.

– Мама настаивала на кремации, – всхлипнула Лена. – У нашей семьи есть участок на Новодевичьем кладбище, там лежит вся родня матери еще с царских времен, на старой территории. Мамуля непременно хотела Вадюшу рядом похоронить. Ой, такой скандалище вышел! Раньше папа никогда так не орал. Ссоры в семье бывали, куда ж без них, но что-

бы такие вопли... Родители вообще невероятно изменились. Прежде к нам гости часто приходили, а когда Вадюша умер, мама в тот же день всем друзьям объявила: «Все, наш дом для всех закрыт. Не хочу никого видеть». Самые близкие намеревались зайти – тетька Катя к нам рвалась, Лиза, Никита – все хотели соболезнования выразить, но мама жестко нам с папой сказала: «Если в квартире кто-то кроме вас двоих появится, я выпрыгну из окна». Я перепугалась, народ обзвонила, объяснила ситуацию... О чем я до этого говорила? Забыла!

– Галина Алексеевна предполагала дать сыну последний приют на Новодевичьем кладбище, – напомнил Макс.

На щеках Лены вспыхнули красные пятна.

– А отец возразил: «Не желаю, чтобы Вадик как на Красной площади лежал. Приду к сыну, а спокойно пообщаться с ним не дадут – вокруг народ, туристы с фотоаппаратами. Фанаты его набегут, начнут у памятника посиделки устраивать. Нет, я увезу сына в Осипово, упокою там, где похоронены мои родители». Мама закричала: «В деревню? В навоз? За двести километров от столицы? Никогда! Только на Новодевичье». Они так повздорили!

Федор вынул из своего чемодана какой-то пузырек и начал его открывать.

– И кто победил? Полагаю, женская половина?

– Да, – согласилась Елена. – Мама всегда отца затаптывала. Правда, в этом случае он сопротивлялся долго. Обычно

папа уже к вечеру сдавался, говорил: «Ладно, поступай как знаешь». А здесь держался сутки, но потом все же сказал: «Хорошо, пусть мимо праха Вадика праздные зеваки бегают, а фаны на его останках бесчинства устраивают. Но запомни: меня должны похоронить около моих родителей». Мама на него чуть не с кулаками кинулась: «Замолчи сейчас же! Я только что сына лишилась, не желаю глупости слушать, тебе шестидесяти еще нет, перестань чушь нести». Папа ей в ответ: «Я видел сон – Вадюша стоит в пустой комнате с белыми стенами и говорит: «Отец, меня убили. Ты следующий, готовься». Мать давай рыдать, а я на папу разозлилась. Зачем он так себя ведет? Нам всем тяжело. Дядя Юра чуть в больницу с гипертоническим приступом не угодил, тетя Катя вся зеленая, Никита растерянный.

– Это кто такие? – наконец-то спросила я. – Не впервые их упоминаете.

– Юрий Михайлович, Екатерина Андреевна и Никита Волковы, наши лучшие друзья, – пояснила Рыльская. – Мама с тетей Катей за одной партой сидела, потом они одновременно замуж вышли, мальчиков почти в один день родили. Никита и Вадик росли как близнецы, постоянно рядом, даже часто в одной коляске лежали и вместе в садик пошли, в школу, в спортивную секцию... Короче, всегда рука об руку. Нам после ухода моего брата очень плохо было, но мы как-то держались, друг у друга на глазах не рыдали. А отец народ накручивал: «Вадюшу убили, не мог он сам умереть,

молодой совсем, здоровый, спортсмен». Врач ему объяснил: с профессиональными боксерами такое случается, никто не виноват. Но отец решил нанять частного детектива...

– Кого? Можете имя назвать? – встрепенулся Макс.

– Нет, – протянула Елена. – Папа к нескольким обращался, не знаю к кому. Он очень странный стал, в истерику впадал. На маму орал, на меня, в сантехника табуретку бросил. Хорошо, что промахнулся, попал в буфет, посуду перекололотил...

– Стресс меняет человека, – вздохнул Федор.

– Постоянно на маму нападал, – жаловалась Елена, – прямо изводил ее, припоминал все обиды. Один раз ни с того ни с сего подошел к ней и зашипел: «А помнишь, как двадцать лет назад ты меня при Катьке оскорбила?» Мама обомлела: «Сережа, ты в своем уме? Два десятилетия назад?» – «Да, – продолжал он. – Мы к Волковой на день рождения пришли, а ты в прихожей сказала: «Ты зачем нацепил этот свитер? У него же пятно на пузе. Полюбуйся, Катя, на кого он похож...» Мать растерялась, не зная, как на папины слова реагировать. А он не успокаивался: «Да только если у мужа одежда грязная, то кто виноват? Уж точно не он, а его супруга ленивая!» Мама сидит, моргает. И тут я решила отца приструнить: «Ты на самом деле полагаешь, что о такой ерунде можно спустя годы помнить?» Что тут началось...

Елена схватила бутылку, начала пить прямо из горлышка, говоря между глотками:

– Такой ор! Визг! Вопли! «Я вас содержу...» Смешно! Ничегошеньки он в своем магазине не зарабатывал, мы на мамины деньги жили, потом Вадик стал бои выигрывать...

Рыльская бросила пустую пластиковую бутылку в мусорное ведро.

– Вскоре папа умер от инсульта. Я тогда не очень удивилась – у него после смерти Вадима давление высокое поднималось, но лечиться он не хотел. А вскоре после его кончины уже мать стала истерики закатывать, ну прямо как папины, под копирку. Сначала мне по всяким пустяковым поводам замечания делала, придиралась, затем принялась бубнить: «А помнишь, как ты меня в два года укусила за палец? Рана месяц гноилась!» Я не знала, куда от нее деться, житья совсем не стало. И вдруг выясняется: у мамы ураганный рак. Она-то очень за своим здоровьем следила, каждый год полное обследование проходила, и – нате вам! В понедельник ей плохо стало, «Скорая» увезла в клинику, там вмиг диагноз поставили. Словно кирпичом меня по голове стукнули. Сижу в кабинете у доктора, как кино смотрю, думаю: «Не со мной это. Ну точно не со мной». Врач объяснять начал, что порой онкология буквально за несколько дней образуется, описаны подобные случаи в медицине. Потом, правда, успокаивать стал, сообщил, что сейчас есть новые лекарства, они таким больным, как моя мать, жизнь продлевают не на месяцы, а на годы. Я уехала домой слегка успокоенная, не завтра мама умрет, ее лечить будут, а там, глядишь, еще другие

таблетки изобретут.

Елена схватила пачку салфеток и выдернула из прорези одну.

– Ой, ну и дура я наивная! На следующий день в полдень приехала в медцентр с сумкой фруктов, вхожу в палату – кровать пустая. Решила, что мамочку на обследование отправили. Спросила у медсестры: «А где больная Рыльская?» И услышала: «Она ночью умерла». Представляете?

– Ужасно, – поежилась я.

Девушка навалилась грудью на стол и зашептала:

– Вадик был совсем здоров – боксер, профессионал, во всех боях побеждал, много денег получал. Брат не пил, не курил, карьеру в спорте сделал, на международных рингах всегда первый. Вадюша на ринге прямо зверь был, а в обычной жизни – котенок, тихий и ласковый. Обожал подарки делать. Деньги он обалденные зарабатывал, рекламные контракты большие имел. Если б не умер, мог бы гору долларов получить, потому что договор заключил с производителем спортивного питания. Вадюша легко мог и квартиру собственную купить, и дом, но они с Наташкой у нас жили, потому что брат семью обожал. Он всех соседей по этажу отселил, три двушки в одни хоромы объединил.

Елена выпрямилась.

– Дайте мне еще воды, пожалуйста. Пить очень хочется.

Я встала, взяла в холодильнике бутылку и поставила ее на стол.

Рыльская словно не заметила минералки.

– А сегодня мне позвонила женщина. Не назвалась, сказала: «Твою семью отравили, иди в полицию, требуй, чтобы убийцу искали». Но я к вам пришла. Не верю полицейским. Они ничего делать не станут.

– Кто вам звонил? – спросил Макс.

– Не знаю, – вспыхнула Елена, – номер не определился.

Она секунду помолчала.

– Вот я и подумала: Вадим, папа, мама... все были здоровы... и – умерли. Друг за другом. Так же в обычной жизни не бывает. Значит, их правда отравили. Найдите того, кто это сделал. Прямо сейчас. Сегодня. У меня есть деньги. Я теперь наследница Вадика. Наташка ему не законная жена.

– Как фамилия Натальи? – спросил Макс.

– Вам зачем? – с подозрением поинтересовалась клиентка.

– Если погибает муж, то под подозрение первой попадает супруга, – деликатно объяснила я, не упоминая, что пристальное внимание надо уделить всем членам семьи покойного.

– Якименко Наталья парикмахер плохой. Кстати, – на одном дыхании выпалила Елена, – ой, почему я о ней не подумала, когда Вадик умер? Наташка вскоре уехала и больше мне ни разу не позвонила. Зато она после смерти мамы в мое отсутствие к нам домой вперлась. И унесла вещи!

– Невестка вас обокрала? – уточнил Виктор.

– Она нам никто, – покраснела Рыльская, – просто была сожительницей Вадика. Да, обворовала! После смерти матери я долго плакала, на улицу выходить не хотела, но пришлось – вся еда в доме закончилась. Через силу отправилась в супермаркет и долго там ходила. Меня от слабости прямо-таки качало. Часа три, наверное, у прилавков шаталась. Прихожу домой, а там... Сейчас, я все засняла, чтобы вам показать. Я не верю полиции, там одни взяточники сидят, они ничего делать не станут... Вот!

Лена сунула мне под нос свой телефон.

– Что вы видите?

– Снимок столика с четырьмя глубокими вмятинами и царапинами вокруг них, – ответила я. – На нем явно что-то стояло.

– Точно! – еще сильнее ажитировалась Елена. – Там ночник был. И где он? Нету. Листаю дальше. Шкаф открыт, вешалки пустые. Эта дрянь одежду уперла! А вот тумбочка в маминой спальне, на ней стояло фото Вадика в дорогой серебряной рамке. В серебряной! И нету его.

– Здесь на тумбочке тоже есть вмятины с царапинами, – заметила я.

– Да, да, да, – затвердила Лена. – Раньше ночник был у папы, вот, видите снимок? Потом его мама взяла, следом я. Наташке он тоже очень нравился. Гадина приперлась в чужую квартиру, выбрав время, когда меня не было, и унесла шмотье, рамку из драгметалла, ночник, украшения.

– То есть Наталья вас обокрала? – повторил Виктор. – Но зачем ей чужая ношенная одежда? Ее ни продать дорого, ни носить не получится.

– Тряпки ее были, – буркнула клиентка.

Я молча слушала Рыльскую. Когда человек забирает свое имущество, это не кража. И, возможно, не серебряная рамочка понадобилась бывшей подружке боксера, а портрет любимого, который был в нее вставлен. Девица ночник прихватила? Ничего особенного в нем нет, хотя он и симпатичный.

– У мерзавки ключи остались! – кипела Елена. – Мама, когда ей уходить приказала, связку не отняла, не подумала, что дрянь без спроса в наш дом войти посмеет.

Я посмотрела на Макса. Минуту назад Елена сказала: «Когда умер Вадик, Наташка вскоре уехала», а теперь выясняется, что подружку боксера выгнали сразу после его смерти.

– Сколько времени Вадим жил с Якименко? – спросил Вульф.

– С пятнадцати лет вроде, – ответила поэтесса. – А когда ей восемнадцать исполнилось, Вадик мерзавку домой пригласил и поселил у нас.

Я удивилась.

– Почему они тогда не оформили брак?

– Я очень любила брата, но никогда не лезла в его личную жизнь, – отрезала собеседница. – Неужели вам не понятно,

что в сапогах в чужой душе не топчутся? Дайте пить.

Я показала на стакан.

– Вот вода. Хотя, наверное, она уже нагрелась. Если хотите холодной, я достану новую бутылку.

В глазах Елены зажегся злой огонек.

– Вы слышали? – громко спросила она. – Все слышали, да? Она упрекнула меня, что ей придется за минералкой к холодильнику идти! Да ты знаешь, кто я такая? Понимаешь? Мою книгу вот-вот издадут! У меня будет миллион читателей! Миллиард подписчиков в инстаграме! Да... да... да... Боже! Они все умерли! Остались только урны с прахом...

Елена вскочила, затопала ногами и – упала на пол. Федор бросился к ней, Макс схватил телефон и вызвал «Скорую». Я взяла подушку с дивана и хотела подсунуть ее под голову Рыльской, но не успела. Елена уперлась в пол пятками и затылком, сильно выгнула спину и замерла в таком положении. Глаза ее, не моргая, смотрели вверх.

– Что с ней? – испугался Витя.

– Не знаю, – растерянно ответила я. – Как она так держится? Упирается пятками и затылком, больше ничем.

– Каталептический мост, – пробормотал эксперт. – Грубо говоря, оцепенение. Когда я учился в институте, профессор рассказывал, что в девятнадцатом веке женщины и редкие мужчины часто самостоятельно впадали в это состояние во время истерических припадков, но в наше время подобного явления уже не случается. Такое состояние может вызвать

только гипнотизер.

– Надолго она так зависнет? – испуганно спросил Витя.

Эксперт начал рыться в своем чемодане.

– Каталептический мост может держаться шесть часов, так сообщается в справочной литературе, но я лично никогда с этим не сталкивался.

Федя вытащил какие-то ампулы и сказал Максусу с Виктором:

– Подстрахуйте ее, она может грохнуться.

Через пару мгновений после инъекции Елена моргнула, потом вздохнула и упала на подставленные ей под спину руки мужчин.

– Уложите девушку на диван, – скомандовал Федор, – будем надеяться, что «Скорая» сейчас прикатит.

Дверь переговорной открылась, появились двое мужчин в форменных кутках.

– Что тут у вас? – спросил тот, что постарше.

– Каталептический мост, – пояснил Федя. И показал на пустые ампулы: – Я вот это ввел.

– Вы врач? – быстро спросил приехавший.

– Медэксперт, – пояснил Леонов, – обычно с живыми дел не имею, но сейчас пришлось.

– У нас таких лекарств, как у вас, нет, – протянул приехавший. – Чем вы тут, господа сыщики, занимались? Неудачный сеанс гипноза?

– Она сама замерла, – пустилась я в объяснения. – Сначала

впала в истерику, разозлилась, а потом...

– Да ладно, – отмахнулся врач. – Что-то вы, ребята, темните.

Макс показал на камеру, висящую под потолком.

– Здесь в режиме нон-стоп идет запись, ее можно посмотреть. Вы лучше отправьте девушку в клинику. Если сочтете нужным сообщить в полицию, то нет проблем, мы понимаем, что такова инструкция, и все объясним дознавателю.

Глава 4

– Однако странно, – сказал Макс, когда мы остались в своей тесной компании. – Помните, что рассказывала Елена? Отец незадолго до кончины стал закатывать истерики, мать тоже вела себя агрессивно. И саму Елену никак нельзя назвать адекватной.

Я начала рисовать на листе бумаги птичек.

– Возможно, у Рыльских нервы не выдержали. Сергей Николаевич не мог смириться с гибелью любимого сына, а у Галины Алексеевны получился двойной удар: на ее долю выпали две смерти – сына и мужа. Елене же досталось больше всех – она потеряла сразу троих близких: родителей и брата.

Федор отнял у меня листок со словами:

– Если человек во время разговора чиркает ручкой по бумаге, это признак того, что он не может сосредоточиться на беседе. Я бы согласился с твоими доводами, но ведь, понимаешь ли, стресс не корь.

– Точное замечание, – кивнул Макс, – истерикой заразиться нельзя.

– А вот тут ты ошибаешься, – возразил Федор. – Никогда не замечал, что случается в семье или рабочем коллективе, когда там вдруг появляется человек с яркими отрицательными или положительными эмоциями? Одна истеричка способна завести массу людей. Но я сейчас не об этом. Как про-

текает корь? Сначала катаральный период: кашель, насморк, температура. Длится он три-четыре дня. Затем появляются высыпания. В первый день пятна возникают за ушами, на голове, шее, во второй спускаются ниже, на грудь, живот...

– Понимаю, что ты учился в медвузе, – перебил его Вульф, – похвально, что помнишь курс педиатрии. Но нам-то с Лампой зачем про корь знать?

– Всякая болезнь имеет свое течение, – объяснил Федя, – очень четкое. Если у вас корь, то сыпь никогда не образуется сначала на ногах, а потом за ушами. Всегда бывает наоборот.

– И что? – не поняла я.

– А вот стресс у каждого проявляется по-разному, – гудел Леонов. – У одного поднимается температура, у другого открывается тошнота, у третьего скачет давление, у четвертого начинается понос, а у пятого все это вместе.

– Пятого больше всех жаль, – хихикнула я, – плохо же бе-
долаге с тошнотой, поносом, давлением, да еще с термометром под мышкой.

– А что мы имеем в семье Рыльских? – не успокаивался эксперт. – У всех умерших и у Елены симптомы одинаковые: развивается обидчивость, злопамятность, агрессия, и у троих был летальный исход. У Вадима, Сергея Николаевича, Галины Алексеевны, а теперь еще и у Елены идентичное течение стресса. Но повторяю: он одинаково у больных не развивается, так ведут себя корь, скарлатина, коклюш и куча других болячек. Следовательно...

– У Рыльских корь? – спросила я. – А где красные пятна? Леонов закатил глаза.

– Лампа, порой ты ведешь себя, как классическая блондинка. Осталось только губы ластами сделать. Нет, покойные не заразились детским недугом. То, что с ними случилось, не корь, но и стресс, то есть нервное перенапряжение, тут тоже явно не в тему. Вероятнее всего отравление. Или у них какая-то болезнь, которая «садится» на нервную систему. Вы же видели, как Елена себя вела!

– Она крикнула, что «остались только урны с прахом». Значит, тела кремированы, пробу на токсикологию не взять, – пробормотала я.

– Елена в больнице, – напомнил Макс, – и у нее там явно возьмут кровь на анализ. Федя...

– Понял, – кивнул эксперт, – уже еду.

Мы с Максом остались вдвоем, муж протянул мне трубку городского телефона.

– Поговори с невестой Вадима, напросись на встречу. Представься журналисткой из спортивного интернет-журнала «Ринг».

– Такой есть? – уточнила я.

– Пока доберешься до Натальи, Миша его сделает, – пообещал муж, – давай, набираю номер.

После седьмого гудка я услышала тихое «алло» и затараторила:

– Добрый день, госпожа Якименко. Вас беспокоят из жур-

нала «Ринг». Наши многочисленные читатели очень хотят видеть интервью с вами, так как...

– Извините, Наташи нет, – остановила меня незнакомка.

– Думала, звоню ей на мобильный, – удивилась я, – а похоже, я домой попала. Подскажите, когда Якименко вернется?

– Она умерла, – донеслось из телефона.

Я чуть не уронила трубку.

– Как? Когда?

– Сегодня девять дней, – прошептала моя собеседница. –

И никто не пришел ее помянуть. Да и некому. Я взяла Наташин сотовый и заряжаю его. Подумала: вдруг кто-то звякнет? Вот вы позвонили...

Я была настолько ошарашена, что задала бесцеремонный в этой ситуации вопрос:

– Вы ей кто?

– Меня Светланой зовут, я сестра Наты. Не кровная, названная. Единственная подруга. Но мы были даже ближе, чем родственницы...

– А вы где сейчас находитесь? – спросила я.

– Дома, сижу перед Натаиной фоткой, свечку поставила.

Надо, наверное, помолиться, да я не умею. Подскажите, что за убитых говорить надо?

Я смутилась.

– Простите, я далека от церкви. Вам лучше в храм пойти, там подскажут.

– Мы ходили, – зашептала Света, – а бабки нас выгнали,

заорали, что в Наташу бес вселился.

– Якименко погибла в автокатастрофе? – осторожно спросила я.

– Нет, ее дьявол задушил, – прошептала моя собеседница.

– Давайте свой адрес, приеду к вам, – воскликнула я.

– Ой, правда? – обрадовалась женщина. – Мне одной ну очень плохо. Заволоцкий переулок, дом три, квартира десять. Вам долго ехать? Это Центральный округ.

– Две минуты пешком, – ответила я, – наш офис на соседней улице.

– Спасибо, спасибо, спасибо, – твердила Светлана, – спасибо, спасибо.

Положив трубку, я отправилась в путь.

Первое, что я увидела, войдя в небольшую кухню, оказалась пустая баночка из-под детского питания, в которой горела розовая свечка, разрисованная веселыми цветочками. За ней стояло фото двух улыбающихся девушек.

– Бабки в церкви такие злые... – пожаловалась хозяйка квартиры. – Сначала они на нас с Наткой налетели, что мы в брюках пришли и без платков на голове... Потом, когда Натуська упала, завопили: «Бес здесь!» – и водой нас облили... Марина Гавриловна велела сегодня свечку зажечь... Что-то мне страшно. А как вас зовут?

– Евлампия, – представилась я, – но лучше Лампа. Наташе стало плохо в храме?

Света кивнула.

– Ее прямо оттуда в больницу увезли, но она умерла.

– Правильно ли я поняла, что вы не были верующими?

Так почему на службу пошли? – удивилась я.

– Марина Гавриловна посоветовала, – зашептала Светлана. – Она очень умная, врач, травами лечит. И верующая. Живет в соседней квартире. Когда Натуське в первый раз плохо стало, Калинина на вашем месте сидела, пришла к нам чайку попить.

Света вскочила.

– Вот здесь стояла Натка, я была у плиты, Марина Гавриловна на табуретке сидела. Соседка коробку зефира открывала, угощенье нам принесла. И тут вдруг Натка как заорет... я ей говорю... а она воет жутко...

Светлана говорила нервно, непонятно, проглатывала концы фраз, потом разрыдалась и сквозь слезы попросила:

– Тоска накатила, плохо мне. Возьмите у тети Марины капли. Ее квартира слева.

Я поспешила к соседке. Дверь открыла женщина лет шестидесяти пяти, одетая в серое платье. Услышав, что Светлана просит лекарство, она засуетилась.

– Сейчас. Куда ж я пузырек-то поставила? Заходите, искать буду. Почему Светочка в тоску впала? Что еще случилось у Звонковой?

– Сегодня девять дней со дня смерти ее подруги Наташи, – пояснила я.

Калинина, которая в тот момент рылась в шкафчике, по-

качала головой.

– Ах, какая я забывчивая! Ясно. А вы Свете кто? Я не знакома с вами.

– Журналистка, – соврала я, – хотела сделать интервью с Якименко и узнала, что Наталья скончалась.

Марина Гавриловна захлопнула дверцу.

– Вы неправду говорите. Вы не корреспондентка.

Меня охватило удивление.

– Как вы догадались?

Дама сдернула с вешалки шаль.

– Неважно. Так вы кто? Только на сей раз не хотелось бы услышать ложь.

Делать нечего, пришлось показать удостоверение.

– Частное детективное агентство «Шерлок», – прочитала Калинина. – Вы – сыщик?

– Можно и так сказать, – согласилась я.

– И кто вас нанял? Зачем явились к Свете? – принялась допрашивать меня она. – Почему сразу честно не представились?

– Не хотела вас нервировать и Светлану тоже, – призналась я. – Когда мы беседовали по телефону, она показалась мне испуганной.

– Ясно. Пошли, – скомандовала соседка.

Она вихрем вылетела на лестницу, распахнула соседнюю дверь, внеслась в квартиру Светланы, потом в кухню, нажала в чашку жидкости из темного пузырька, который дер-

жала в руке, и скомандовала:

– Залпом!

Подруга Наташи покорно выполнила приказ.

– А теперь пойдй приляг, – велела Марина Гавриловна, – на час! И бесы тебя покинут.

– Они здесь? – затряслась Светлана. – Со мной получится так, как с Натой?

– Никогда, – заверила соседка, – иди спокойно отдыхать.

– Вы, наверное, знаете, что случилось с Наташей? – поинтересовалась я, когда мы остались вдвоем.

– Она умерла, – мрачно ответила Калинина, – и виновата в ее смерти Галина Алексеевна. Слышали про такую?

– Мать Вадима Рыльского, жениха Якименко, – кивнула я.

Калинина закатила глаза.

– Жениха... Уважаемая Евлампия, женихом называется порядочный мужчина, который год, ну ладно, два ухаживает за девушкой, а потом просит у ее родителей руки их дочери. Вот тогда этот приличный человек получает право именоваться женихом. А после оформления союза в загсе, венчания и честного пира наступает брачная ночь. Наутро они муж и жена. Вадим был сожителем Наташи, который не собирался нести за нее ответственность. Пятнадцать лет отношений! Вдумайтесь в эту цифру – пятнадцать! И речи о бракосочетании не было!

Марина Гавриловна задохнулась от возмущения. Я воспользовалась возникшей паузой.

– Елена, сестра Вадима, рассказала, что брат считал Наташу своей супругой. Якименко жила в квартире Рыльских. Калинина скорчила гримасу.

– Ну конечно, жила... Вопрос: на каких правах? Ответ: на птичьих. Что случилось после того, как Вадим умер? Галина Алексеевна выгнала Наташу. И ведь знала, что ей некуда идти, что у нее нет квартиры, только сарай в Подмоскowie, который она купила, продав свои трехкомнатные хоромы. Вопрос: по какой причине Наталья лишилась жилплощади? Ответ: чтобы Ник Крис взял к себе Вадима на обучение.

– Это тренер? – предположила я.

– Руководитель школы бокса, кажется, – кивнула соседка Звонковой. – Я не очень-то разбираюсь в искусстве мордобоя, не мое это увлечение, могу только со слов Наты говорить.

– Вроде родители Вадима были вполне успешны в финансовом плане, – удивилась я, – у отца магазин имелся, у матери свой бизнес... Почему они сыну денег не дали?

– Господи, – рассмеялась Марина Гавриловна. – Вы в лавку Рыльского заходили?

– Не довелось, – ответила я, – просто знаю, что он владел магазином смешных подарков, а у Галины Алексеевны была фирма по пошиву одежды для домашних зверушек. Вот Лена ничего не зарабатывала, но она творческий человек, поэтесса, пишет стихи.

– Душа моя, – хмыкнула соседка, – поэты – это Лермонтов, Пушкин, Цветаева. Из тех, кто поближе к нам по времени, – Андрей Дементьев, Римма Казакова, Юлия Друнина. У остальных из-под пера выходит что-нибудь вроде: «Пришла любовь, из сердца каплет кровь». Они словно... Знаете, в советские годы обожали художественную самодеятельность, один раз я попала на балет, в котором были заняты участники студии классического танца при заводе, выпускавшем то ли автобусы, то ли троллейбусы, то ли трамваи, то ли грузовики. Простите великодушно, за давностью лет я запамятовала, что именно. И вот началось действие. Вышли из-за кулис тучные лебеди да как прыгнули! Пыль столбом, сцена трещит. Ноги у танцовщиц отдельно от музыки живут, руки сами по себе существуют... Завораживающе чудовищное зрелище! Объявили сих балерин как звезд самодеятельного театра. Почему я о них заговорила? Елена среди поэтов такая же танцовщица, гиппопотам в пачке. Теперь о родных Вадима. С виду семья приличная, а на самом деле... Ангел мой, я совершенно уверена: бедную Наташу лишила жизни Галина Алексеевна. Вопрос: хотите всю правду про Рыльских знать? Без лукавства. Ваш ответ?

Я кивнула.

– Отлично! Слушайте меня внимательно, – произнесла Марина Гавриловна.

Глава 5

Родители Наташи Якименко состояли в штате Министерства иностранных дел, но дипломатами не были, отец работал шофером, мать поварихой. Они служили при консульствах сначала СССР, а потом России и неплохо зарабатывали. За годы службы Ольга и Николай купили трехкомнатную квартиру и обставили ее дорогой мебелью.

– Вот выйдем на пенсию, – радовалась жена, – заживем счастливо.

Супруги старательно пеклись о материальных благах – покупали за границей парчу на занавески, сервизы, золотые украшения, шубы и привозили в Москву. Ни в Европе, ни в Америке Якименко никогда не бывали, трудились исключительно в Африке, а на этом континенте бушуют разные болезни, которые нормально переносит коренное население. Но перед заразой практически беззащитными оказываются те, кто принадлежит к европеоидной расе. Кроме того, у иностранных дипломатов и торговых представителей из-за повышенной солнечной радиации высок риск развития рака, они могут подцепить лихорадку Эбола, СПИД, не говоря уже о дизентерии, тифе и других «прелестях». МИД России советовал своим сотрудникам оставлять маленьких детей дома, поэтому дочка Якименко воспитывалась в Москве мамой Ольги Региной Павловной.

Как правило, родители скучают по детям и радуются, если перерыв между заграничными командировками составляет пару-тройку лет. Но Якименко были иными. В момент, когда шасси самолета касались посадочной полосы аэропорта в Москве, супругов охватывала паника: вдруг их больше не отправят туда, где можно купить массу вещей, столь необходимых им для счастливой старости? На следующий же день после возвращения супруги бросались к начальству и делали все возможное, чтобы поскорей умчаться в любую страну, куда угодно, лишь бы снова получить возможность копить деньги и вещи. Зачем они родили дочь? Хороший вопрос. Ответ на него такой: к сотрудникам, не имеющим потомства, в отделе кадров относились с подозрением. Такие ведь и убежища в чужом государстве попросить могут, их же ничего в России не держит. А дети – гарантия того, что их родители не станут перебежчиками.

Пока Регина Павловна была жива, Наташа не знала горя. Старушка заменила ей папу и маму, которых девочка практически не знала, а потому по ним не скучала. В маленькой спальне, где обитали бабушка и внучка, на подоконнике стояло фото улыбающихся Ольги и Николая. Пожилая женщина каждый день приказывала своей внучке говорить снимку «доброе утро» и «спокойной ночи». С фотографией у Наташи сложились прекрасные отношения, она любила веселых и ласковых людей, изображенные на снимке. А вот с реальными родителями, когда они ненадолго приезжали домой,

сразу возникали трения.

Две большие комнаты в квартире и один туалет были всегда заперты. Там стояла красивая мебель, в шкафах в чехлах хранились шубы и другая одежда, в заблокированном санузле стояли коробки с посудой. Бабушка и внучка жили в крохотной спальне, у них были две самые дешевые кровати, письменный стол и полупустой трехстворчатый шкаф. Одежду Регине и ребенку Якименко покупали в Москве, и только самое необходимое. Ну зачем неработающей Регине Павловне много платьев? Хватит одного, ей же некуда ходить.

А Наташа быстро растет, несколько пар туфель и разную одежду приобретать для нее неразумно. И красивую мебель с позолотой и медальонами в их жилище ставить опасно – малышка может пролить на нее краски, заляпать пластилином. Вот выйдут старшие Якименко на пенсию, останутся в столице на постоянное жительство, тогда и откроют все комнаты, вынесут кожаные диваны, накроют их чудесными пледами, повесят под потолком хрустальные люстры и будут пить чай из сервиза «Мадонна». Ну а пока девочка с бабушкой обойдутся трехрожковой люстрой, купленной за дешево в ближайшем магазине «Свет», и кружками-тарелками из фаянса.

Но кухню и второй санузел родители запереть не могли. Всякий раз, очутившись временно дома, Оля начинала кричать на мать и дочь:

– Боже, таких неаккуратных людей, как вы, я еще не встре-

чала! Мама, глянь на плиту, она же грязная до жути, вся черная!

– Доченька, у нас чисто, – отбивалась Регина Павловна, – просто ты поставила нам купленную у кого-то подержанную технику, а у нее от старости эмаль местами отлетела.

– Теща, не смей делать замечания моей жене! – злился Николай. – На линолеум глянь, он весь протерся. Вы что, по нему ходите?

Бедная Регина Павловна молча слушала зятя. А что она могла ответить: «Нет, Коля, мы с девочкой летаем под толком»? Понятное дело, бабушка и внучка ходили по напольному покрытию.

Наташа пугалась криков родителей, забивалась в комнату и сидела там, боясь высунуться, чем вызывала гнев матери, который снова обрушивался на голову бабушки.

– Вырастила нам дикое существо! Она хоть разговаривать умеет?

Когда пара наконец улетала из Москвы, у старушки и девочки наступал праздник. Регина Павловна покупала к чаю зефир, а Ната опять желала фотографии доброго утра и спокойной ночи. Лет в двенадцать девочке пришло в голову, что те, кто запечатлен на снимке, и те, кто иногда оказывается в доме, совершенно разные люди. Одни очень хорошие, другие гадкие. Последние могли причинить ей много неприятностей. Например, когда Наташе исполнилось десять, ее почему-то перевели в другую школу, до которой сначала надо

было минут сорок катить на метро, затем около получаса на автобусе да еще минут пятнадцать топать пешком...

– Почему ребенка не оставили в прежней школе, которая находилась в паре шагов от квартиры родителей? – удивилась я, перебив рассказчицу.

– Понятия не имею, по какой причине девочке пришлось вставать в полпятого утра, – отрезала соседка. – Так решили ее злые родители. Но слушайте дальше...

Когда Наташе стукнуло пятнадцать, бабушка решила, что внучке надо заняться спортом, и отправилась с ней в большой комплекс. Регина Павловна хотела записать девочку на фигурное катание, но услышала от тренера: «Опоздали. У нас дети в четыре года начинают». В секциях художественной и спортивной гимнастики тоже отказали, а вот в волейболе к ним отнеслись снисходительно, и Ната стала носиться с мячом по площадке.

Как-то раз, убегая из школы на тренировку, она поскользнулась в коридоре и упала, а подняться ей помог Вадик Рыльский, паренек из параллельного класса. До этого подростки не дружили, сейчас же разговорились и более не расставались.

У Вадима тоже сложились непростые отношения с родителями. Мальчик не успевал в школе, получал двойки, даже остался один раз на второй год. Читать Вадюша не любил, в театре он засыпал, в консерватории отчаянно зевал, чем приводил в негодование родителей, обожавших класси-

ческую музыку, и сестру, которая приходила от Моцарта в восторг.

– Создается впечатление, что сына нам в роддоме подменили! – воскликнула как-то в сердцах Галина Алексеевна. – Учиться не желает, ведет себя отвратительно... Вот Леночка – наша радость, отличница, стихи пишет.

Когда Вадиму исполнилось двенадцать лет, он за компанию с одноклассником, решившим заниматься боксом, пришел в спортивное общество. Вадюша просто сопровождал друга, который мечтал стать вторым Мохаммедом Али, сам он никакого восторга при виде перчаток и ринга не испытывал. В результате приятеля не взяли, а Рыльскому тренер сказал:

– Приходи, из тебя может выйти толк.

Мальчик позанимался один раз, неожиданно увлекся и попросил у родителей купить амуницию.

Старшие Рыльские пришли в ужас.

– Бокс?! Это же мордобой! – воскликнул Сергей Николаевич. – Отвратительное занятие. Ты бы еще решил сидеть с мужиками на берегу речки с удочкой.

Рыбалку он считал занятием простонародным, сродни лузганью семечек.

Галина Алексеевна схватилась за голову.

– Что я знакомым скажу? Мой Вадик – драчун? Идиот, который способен лишь кулаками махать?

Мальчик рассказал тренеру о мнении родителей, тот

встретился с Рыльскими и сказал:

– У Вадима проблемы с учебной. Но если парень будет посещать секцию, обещаю вам, что в его дневнике появятся твердые четверки.

Мать лишь недоверчиво поджала губы, отец нехотя вымолвил:

– Что ж, если наше несчастье хоть на троечках поедет, уже будет хорошо. Ладно, поживем – увидим.

Подросток начал заниматься боксом, более того – решил добиться на ринге успеха. Как-то незаметно тренер Анатолий Владимирович Луганкин стал для Вадика очень близким человеком. Именно он занимался с подопечным уроками, ходил в школу улаживать конфликты с педагогами. И вскоре ученик Рыльский в самом деле начал успевать по всем предметам.

Глава 6

Свои первые деньги Вадик заработал в восемнадцать лет – ему заплатили за победу в международных соревнованиях около тысячи долларов. Когда Вадим, страшно гордый своим достижением, принес домой конверт и диплом, отец, мать и сестра безмерно удивились.

– За тычки кулаком в нос платят? – спросила Елена.

– Мохаммед Али один из богатейших людей мира, – заявил Вадик, – и я таким стану.

Родитель посмотрел на разложенные веером зеленые купюры.

– И сколько ты отхватил?

– Девятьсот баксов, – гордо ответил сын.

– Но здесь меньше, – заметила мать.

– Я отдал некоторую сумму Анатолию Владимировичу и купил Натусе сумочку, – объяснил Вадик.

– Тренер отобрал у тебя награду? – возмутилась Галина Алексеевна.

Парень бросился на защиту Луганкина.

– Конечно, нет. Но с тем, кто привел спортсмена к победе, принято делиться.

– Наташе тоже обязательно подарки подносить? – ехидно спросила Лена. – У нее, бедняжки, сумки нет?

– Сыночек, – неожиданно ласково завела мать, – у нас

сложное финансовое положение, тебе надо в первую очередь семье помогать, думать не о чужих людях, а о тех, кто тебя любит, кто тебя воспитывает, уму-разуму учит.

– У меня нет хорошей куртки, – пожаловалась Елена.

– Давно ремонт на кухне требуется, – вздохнула Галина Алексеевна.

– Постараюсь еще заработать, – пообещал Вадим. – Но Наташа моя невеста, она тоже моя семья, обижать ее я никому не позволю, ей все достанется в первую очередь.

– Конечно, конечно, – быстро закивала Галина Алексеевна, – мы все Нату любим, она нам как родная.

С той поры Вадим стал получать за победы деньги, пусть и небольшие. Парень баловал Наташу подарками, а остаток денег отдавал матери на хозяйство. Галина Алексеевна благодарила сына, но Ната как-то раз услышала, как Лена спросила у матери:

– Наш драчун сегодня что-то принес?

– Как всегда, три копейки, – ехидно ответила та.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, – обронила добрая сестричка.

Наташа ничего не сказала Вадиму, не хотела огорчать его и уж тем более не собиралась ссорить любимого с близкими, но ей не понравилось, как Галина Алексеевна и Елена относятся к ее жениху. Ну да, Вадюша пока не имеет миллионов, но его час еще пробьет. Ната постоянно говорила ему:

– Не унывай, Анатолий Владимирович выведет тебя на

международный ринг.

Но, увы, тренер умер, когда Вадим только начал подниматься в гору. Спортсмен остался один, его скромные заработки иссякли. Отношение родственников к парню сразу же изменилось, его в лицо стали называть захребетником, лентяем, родители приказывали сыну найти нормальную работу.

– Хватит у меня на шее сидеть, выучись хоть на водителем, – злилась Галина Алексеевна. – Оно, конечно, ужасно для интеллигентной семьи, но ты же не способен к творчеству, совершенно лишен таланта.

– У меня нет денег на курсы, – признался сын.

– Это не наша проблема! – взвилась мать. – Наймись грузчиком, заработай, тебе же не три года.

– Стыдно мне у родителей рубли клянчить, – сказал Вадик Нате. – Мать права, пойду на железную дорогу, сил у меня много, буду мешки таскать.

– С ума сошел? – испугалась девушка. – Вот, смотри, что я в интернете нашла: Николай Крис приглашает в свою школу. Знаешь такого тренера?

– Ну ты и спросила, – усмехнулся Вадим. – Ник – легенда. Если он берет какого-то боксера под свое крыло, то делает из него супермена.

– Так иди к нему, – предложила Ната. – Тут написано, что тренер Крис приглашает пятерых воспитанников.

Вадим погладил ее по голове.

– Наивная моя! Знаешь, сколько народа к нему прибежит? Тысячи. Да к тому же Ник заламывает плату за обучение немереную. И нет гарантии, что после года занятий он не выпрет тебя вон со словами: «Топай, мальчик, лесом, ты мне не интересен». Крис берет под свою опеку только тех, кто в перспективе победит на всех чемпионатах, перейдет в профессиональный спорт и принесет ему миллионы.

Через три недели Ната попросила Вадика:

– Помоги мне, дотащи чемоданчик с фенами и всякой ерундой – меня позвали к одному человеку на дом, надо постричь его и покрасить.

Ничего не подозревающий Вадим поехал вместе с Натой, очутился в роскошном загородном доме и ахнул, когда в холл вышел Ник.

– Супер! – сказал хозяин. – Пошли в зал, покажешь, на что способен.

– Я не взял форму, – только и смог пробормотать Рыльский.

– Ну, я, когда пришел на первую тренировку, прыгал в семейных трусах, – засмеялся Крис. – Топай в цоколь, там все есть.

Через пару часов ошарашенный Вадик узнал сразу несколько новостей: Ник берет его на обучение, деньги за жениха внесла Наташа, вернее, она отдала тренеру свою квартиру вместе с дорогой мебелью, парчовыми занавесками и всем тем, что так упорно собирали ее родители. Увы, Ольга

и Николай не дожили до пенсии – супруги погибли в Африке, когда в стране, где служили старшие Якименко, случился военный переворот и толпа местного люда, не имеющая понятия о дипломатическом иммунитете, разгромила квартал богатых домов.

– С ума сошла? – закричал Вадим, когда они вышли на улицу. – Где жить будешь? Надо сообразить, как...

– Не надо ни о чем думать, – остановила его Ната, – иначе выйдет как с моими предками. Они чуть ли не с рождения о счастливой жизни на пенсии мечтали, а что получилось? Радоваться надо сегодняшнему дню, и точка. Чтобы иметь прописку, я купила самый дешевый домик в Подмосковье, развалюху в деревне. Но не собираюсь там показываться, адрес нужен лишь для печати в паспорте. Жить меня к себе Светка пустила. Так что не переживай, все нормально. А когда получишь многомиллионные рекламные контракты, приобретешь мне новые апартаменты.

– Будь уверена, ты их получишь! – воскликнул Вадик. – Только сейчас мы сделаем иначе. Скажи спасибо Свете за приют, и ты сегодня же переедешь в мою комнату.

Марина Гавриловна остановилась, помолчала, потом добавила:

– Все, что я вам сейчас сообщила, я в разное время узнала от Наты, она часто со мной делилась. Ей для душевных бесед требовалась женщина старше по возрасту, этакий заместитель любимой бабушки, ведь к тому времени Регины Пав-

ловны уже не было в живых. Кстати! Надо отдать должное Вадиму – он всего добился. И славы, и денег. Родители, Елена и Наташа ни в чем не нуждались.

– Однако Рыльский так и не женился на девушке, которая ради него рискнула стать бездомной, – напомнила я.

Пожилая дама скрестила руки на груди.

– Я сказала те же самые слова Нате, когда она прибежала с радостной вестью: Вадик получит многомиллионный контракт в валюте от фирмы, которая выпускает спортивную одежду, женскую и мужскую. Точную сумму Наташа не назвала, но она так ликовала, что я не выдержала и плеснула в костер радости немного холодной воды трезвого расчета, осведомилась: «Вадим теперь вернет тебе квартиру?» Наташа вспыхнула: «Зачем? Мы же с ним одна семья, у меня есть где жить».

Марина Гавриловна поправила бусы.

– Следовало бы напомнить ей, что Рыльский, называя Наталью женой, так и не оформил с ней официально отношения. Но у меня не хватило окаянства – в тот момент Ната выглядела невероятно счастливой. Не то что Лиза, вот та всегда надутая и недовольная.

– Кто это? – не поняла я.

– Супруга вечно второго, – язвительно пояснила соседка. – Но, в отличие от наивной Наты, Елизавета живо получила штамп в паспорте.

– Вечно второй? – повторила я.

Марина Гавриловна встала и включила чайник.

– Я родителей Вадима никогда не видела, но столько о них от Наты и Светы слышала, что мне кажется, я знала их много лет. Галина Алексеевна активно по тусовкам бегала, поэтому дома требовала тишины. Наташе с Вадимом хотелось общения, и они часто бывали в гостях у Светы. Рыльский, кстати, на редкость приятный юноша. Был. А вот его друг Никита парень с душком. Наташа как-то мне рассказала, что Волковы – лучшие друзья старших Рыльских, мальчики росли вместе, прямо как братья. Никита во всем копировал Вадима. Он тоже занимался боксом, но чемпионом никогда не был, им оказывался Вадим. Кит же был вечно вторым. Пикантности ситуации добавляло и то, что Волков попытался отбить Наташу у Рыльского. В тяжелую для Вадика пору, когда умер его первый тренер Анатолий Владимирович, Никита сказал девушке: «Вадим теперь пойдет на дно. Галина Алексеевна очень злая, она никогда не разрешит сыну привести тебя в их дом. Вадик с тобой какое-то время поживет, а потом женится на той, кого ему мамахен подсунет. Ты останешься у разбитого корыта. А я тебя сразу в загс отведу. Хочешь – прямо завтра. Родители мою супругу обожают будут, все у нас появится – своя квартира, машина. И я ребенка хочу, а Вадиму дети совсем не нужны».

Калинина усмехнулась и пояснила:

– Наташа ему тогда пощечину залепила. И сказала, что пока Вадика об этом разговоре не сообщит, но коли Кит сде-

лает еще одну попытку ее переманить, тогда уж точно она язык развяжет. Потом Волков шумно женился на Елизавете. Вот такая история.

Марина Гавриловна стала разливать по чашкам свежую заварку, одновременно продолжая рассказ:

– После внезапной смерти сына Галина Алексеевна выгнала Наташу из своего дома. Я вообще-то ожидала чего-нибудь подобного, но все же надеялась, что у собачьего модельера осталась хоть капля порядочности. Ан нет, Рыльская не разрешила ей ничего взять. Никаких подарков, которые ей дарил Вадим. Даже ерундовую вещь – светильник не отдала, хоть тот был кем-то подарен Нате. Можете посмотреть, ночник на столике в комнате, где она спала, находится. Ната пришла к Свете с маленькой сумочкой, села в прихожей и принялась рассказывать о том, что произошло. Я как раз у Звонковой в гостях была, все слышала.

...Галина Алексеевна неожиданно в злую овчарку превратилась. Якименко домой приехала, сняла куртку, хотела сапоги скинуть, а мать Вадима из кухни вылетела, начала орать. Затем вышвырнула верхнюю одежду Наташи к лифту и велела:

– Вали туда, откуда пришла.

Девушка гордо ответила:

– Хорошо, я более не стану обременять вас своим присутствием. Но хочу забрать личные вещи...

Эти слова еще сильнее взбесили Рыльскую, та разоралась,

ну и пришлось Натe в чем была убежать...

– Бедняжка заплакала, мы со Светой ее утешать стали, просили не расстраиваться, объясняли, что наряды она себе новые купит. В конце концов Ната успокоилась и объяснила: «Не жаль мне шмоток и на ювелирку плевать, хотела взять только ночничок. Он мне очень нравится. И, кстати, его мне подарили. Просто Вадик сразу эту лампу в своей комнате поставил, вот все и считали, что она ему принадлежит. А изначально-то ночник мой был!»

Рассказчица помолчала, сделала несколько глотков из чашки. Затем продолжила:

– Через какое-то время Звонкова ко мне принеслась с криком: «Марина Гавриловна! Марина Гавриловна! Ой, что Натка наделала!» Я перепугалась, решила, будто новая беда случилась, побежала к Свете. А там Наташа, счастливая такая. И показывает мне вазу: «Вот, снова моя. Это та лампа. Правда, волшеббно красивая?» Тут я сообразила, что у нее в руках не ваза для цветов, а ночник, по которому Ната убивалась. Только как он у Наташи оказался? Начала я ее пытаться, и она в конце концов призналась: Галина Алексеевна так рьяно выпихивала подругу сына вон, что забыла забрать связку ключей. Ната решила подкараулить момент, когда в квартире никого не будет. Простая вроде задача, а оказалась сложной. Старшие Рыльские умерли, но Елена, сестра Вадима, тунеядка, целыми днями сидела дома. В конце концов горе-поэтесса куда-то умчалась, и Наташа проникла в квар-

тиру. Она обнаружила свою лампу на тумбе у Лены – та ночник себе забрала, у кровати поставила.

Я допила чай.

– Девушка сильно рисковала. Она у Рыльских не прописана, Елена могла вернуться, застать ее в доме и вызвать полицию. Проникновение в жилище без ведома хозяев наказуемо.

Марина Гавриловна развела руками.

– Что тут скажешь, безрассудная девчонка... Конечно, я ее как следует отругала. А Наташа все смеялась, и я радовалась ее хорошему настроению. Но оно недолго держалось, через день Якименко начала злиться.

Глава 7

– Злиться? – насторожилась я. – На кого?

– На всех, – вздохнула Калинина. – За пару дней до смерти она стала немотивированно агрессивной, даже устроила драку в подъезде.

– Драку? – повторила я. – Если вспомнить, что вы говорили о Наташе, это странно.

– Молодая женщина просто так не умрет, – печально заметила Калинина. – Наташа заболела, мне это было понятно. Тихая, милая, совершенно неконфликтная девушка, которая ни разу не поспорила с Галиной Алексеевной, Еленой, Сергеем Николаевичем Рыльскими, вдруг накинулась на Валентину Михайловну, живущую этажом ниже под Светой. Представляете картину. Соседка увидела, как Ната входит в парадное, и, стоя в лифте, крикнула: «Золотце, ты наверх поедешь? Мне тебя подождать? Или почту взять хочешь?» Обычный вопрос, ничего плохого. Валечка милый человек, очень приветливый, Наташа с ней всегда вежливо общалась. А тут...

Марина Гавриловна округлила глаза.

– Откуда ни возьмись взрыв негодования, буря негатива: Наталья бросила в кабину свою сумку, попав Валентине Михайловне в голову, и принялась вопить несусветное. Я в этот момент на лестнице чистила сапожки, услышала гвалт, узна-

ла голос Наты, поспешила вниз. Смотрю, Валя в лифте на полу сидит, лицо в крови. Подъемник у нас допотопный, надо самим и дверь шахты, и створки кабины закрывать, до-му-то сто лет, современный лифт здесь не поставит... Я тогда так перепугалась! Наташа просто на себя была не похожа – прямо фурия! Я даже к ней подойти побоялась, отвела Валю к себе, та мне все и рассказала. Ран у нее на лице никаких не обнаружилось, брошенная сумка в нос угодила, вот кровь и пошла. Ничего страшного, одним словом, я стала просить соседку не обращаться в полицию, рассказала, что у Наты случилось. Она захохла: «Бедная девочка! Помолюсь за нее. Не беспокойтесь, Мариночка, я воцерковленный человек, зла ни на кого не держу. Наташенька сейчас успокоится и угрызаться начнет. Она чудесный человек, просто душа горя не выдержала. Идите скорей в подъезд, наверное, соседка там до сих пор мечется, места себе не находит».

– Да, встречаются такие хорошие люди, – сказала я и задала Марине Гавриловне вопрос: – И что, какой вы нашли Якименко?

– Как только я вышла на лестницу, сразу увидела Нату. Та стояла, привалившись к двери квартиры Светланы. Я у нее осторожно спросила: «Наташа, как ты себя чувствуешь?» Она на меня спокойно посмотрела и обычным своим голо-сом ответила: «Спасибо, Марина Гавриловна, устала немно-го. И сумку где-то потеряла. Вот же странно, где я ее могла посеять и не заметить этого?» Я вынесла ей ридикюль,

который в кабине подобрала. Якименко удивленно заморгала: «Вы нашли мою сумку?» Мне стало понятно, что она ничего не помнит. Знаете, у моей мамы была сестра. Так вот, тетя Леля, царствие ей небесное, впадала порой в истерические припадки – орала, рыдала, швырялась разными предметами... потом вдруг замирала, моргала и... перед вами была уже другая женщина, которая не ведала, что недавно творила. Ох, как мне Наташу жаль стало! Подумала: вот как она, бедная, смерть Вадима переживает...

Рассказчица тяжело вздохнула.

– На следующий день Ната вечером позвонила мне в слезах, стала говорить: «Одна сижу, мне страшно, я никому не нужна, помогите, побудьте со мной». Я пришла, стала ее чаем поить, успокаивать, говорить, что мы со Светой никогда ее не бросим. Она слегка утешилась, я ей капелек дала, отправила отдыхать. Ну прямо как Звонкову сейчас. А утром Света ее мертвой нашла.

Меня царапнуло беспокойство.

– Наташа накануне кончины вела себя, как сегодня Светлана?

– Да, – кивнула Марина Гавриловна. – Я даже подумала, увидев ее, когда мы с вами сюда пришли: бедная Света так нервничает, так переживает – еще бы, Наташа ведь ей как сестра была...

Я вскочила.

– Где спальня хозяйки?

– Последняя дверь по коридору, – удивилась пожилая дама. – А что случилось?

Поспешив в указанном направлении, я бесцеремонно вошла в комнату, приблизилась к кровати, глянула на лежащую Светлану и попыталась разбудить ее. Не сумев этого сделать, вытащила мобильный.

– Света, очнись, Света... – суетилась пожилая соседка, прибежавшая следом, – деточка, открой глаза...

– Сейчас приедет «Скорая», – пояснила я, поговорив по телефону, – Светлану надо срочно отправить в больницу.

– Боже, она заболела! – перепугалась Марина Гавриловна. – Что за напасть? Вадик, потом Наташа, теперь Светочке плохо...

Я молча стояла около кровати. А мысленно продолжила скорбный список: еще скончались муж и жена Рыльские, и Елена после устроенной в нашем офисе истерики начала рыдать, жаловаться на тягостное одиночество, пришлось отправить ее в клинику. Что происходит? Федя полагает, что Рыльских отравили. Пусть так. Но как яд мог попасть в организм Наташи Якименко, а потом Светланы Звонковой?

Я повернулась к Марине Гавриловне и нечаянно задела локтем красивую фарфоровую вазу, стоящую на тумбочке. В одну секунду предмет интерьера очутился на полу. Дзынь! Верхняя часть вазы треснула, но не разбилась полностью. А металлическая подставка осталась цела.

– Ой, как нехорошо получилось! – запричитала Калини-

на. – Это тот самый ночник, за которым Наташенька в квартиру Рыльских ходила. Он и Свете очень понравился, она лампу себе взяла. Действительно оригинальная вещь. Одна беда, видите?

Марина Гавриловна показала на прикроватный столик.

– Ножки у ночника металлические, впиваются в столешницу и царапают покрытие.

Мне стало неловко.

– Я заберу ночник, наверное, можно стеклянную часть отдельно купить? Думаю, найду в интернете подходящую.

– Дам вам пакет, – деловито сказала соседка. – Я за Светочку горой! Всегда ее интересы блюду, почти каждый вечер заглядываю к ней. Вас удивляет, что мы дружим? Смутила большая разница в возрасте? Светлана и Наташа были лишены материнской ласки, а моя дочь давно живет в Америке. За океан часто не полетаешь – дорого очень, да и несколько часов в лайнере для меня слишком тяжелое испытание. Я, считайте, одинока, а девочки – сироты, вот мы и потянулись друг к другу. Что со Светой? Она в обмороке? Может, положить ей на голову холодный компресс? Нашатырь! Сейчас принесу.

– Не надо, – остановила я рванувшуюся к двери Калинину. – Медики вот-вот придут. У Светланы вчера были гости?

– К ней иногда заглядывают знакомые, но в основном по праздникам, – начала объяснять Марина Гавриловна, – рань-

ше Ната с Вадиком забегали. Правда, вместе редко, у боксера свободного времени почти не было, чаще Наташа одна приезжала. Но если с Рыльским появлялась, то следом всегда прибывали Никита и Лиза. После смерти Вадика Волковы здесь ни разу не показывались.

Я остановила соседку:

– Вчера или сегодня посторонние приходили?

– Да нет, – пожала плечами Марина Гавриловна. – Светочка недавно приболела немного – легкая простуда, насморк да кашель. Наверное, ее...

Калинина осеклась.

– Вы что-то вспомнили? – заинтересовалась я, глядя на бледное лицо Светланы, которая, мерно дыша, лежала с закрытыми глазами, никак не реагируя на наши голоса.

Соседка попятилась к двери.

– Наташа... Понимаете, за два-три дня до смерти у нее тоже насморк появился. И кашель. А к утру, что удивительно, респираторное заболевание прошло. Потом на Якименко накатила злоба, она впала в депрессию, заснула и не проснулась. Светлана в понедельник захлюпала носом, у нее сел голос, появился кашель. К утру простуда мистическим образом пропала. Я решила, что это аллергия, посоветовала выпить супрастин. Вчера Света была странная. Я решила к ней заглянуть и долго звонила в дверь. Она не открыла, хотя точно была дома, я знала. У меня появилось беспокойство, поэтому я воспользовалась связкой запасных ключей от ее

квартиры. Света стояла на кухне и выглядела так, словно выпила спиртного.

– Звонкова увлекается алкоголем? – осведомилась я.

– Нет. Всего пару раз в году вижу ее слегка подшофе, на Новый год и в день рождения, – перечислила Марина Гавриловна. – Я подумала, что Светлана решила лечиться от простуды чаем с коньяком и не рассчитала дозу, ведь крепкие напитки в сочетании с кипятком действуют активнее. Подошла к ней, приняухалась, но ничего, кроме запаха духов, не почувствовала. На полу валялись разбитые кружки, тарелки, опрокинутые табуретки. Света на разгром взглянула и как-то по-детски протянула: «С чего это они упали? Марина Гавриловна, вы посуду уронили?» А сегодня Звонкова плакать стала, на жизнь жаловаться... заснула... а сейчас не просыпается... Прямо как Наташа! И разбитая посуда... Может, у Светланы тоже приступ ярости случился, только она одна в доме была, просто тарелки и кружки пошвыряла? Выходит, у них двоих одинаковое течение болезни. Надо же, какая-то неизвестная мне вирусная инфекция.

Калинина развернулась и опрометью кинулась в коридор, я поспешила за ней.

– Мне надо домой, – шептала соседка, взясь с замком, – приму душ, прополощу горло и нос мирамистином. Ой, у меня, кажется, температура... И насморк начинается, кашель...

Пожилая дама резко распахнула дверь своей квартиры и

упала, едва переступив порог. Я растерялась. И тут подъехал лифт.

– Дурацкая кабина, – возмущалась полная женщина, выходя из подъемника, – такие в музее показывать надо. О, смотрите, Анна Семеновна, больная-то прямо на лестнице валяется.

– Что случилось? – сухо спросила другая медичка, более молодая. – Драка?

– Нет, – простионала Марина Гавриловна, – я просто споткнулась.

Вынув рабочее удостоверение, я шагнула навстречу бригаде «Скорой помощи».

– Надеюсь, с Мариной Гавриловной все будет в порядке. А вот со Светланой Звонковой, которая находится в спальне, сложная ситуация.

Глава 8

Примерно через час, когда я в своей «букашке» с черепашной скоростью ползла в пробке, мне позвонил мужчина и хорошо поставленным голосом завел:

– Уважаемая Евлампия, вас беспокоит отец Нины Еськиной, меня зовут...

– Роман Борисович, – перебила я, – отлично вас помню, мы же знакомы не один год.

– Очень приятно, что узнали меня, – обрадовался профессор. – Евлампия, поскольку я являюсь гостем в вашей уютной квартире, то не могу ничего сделать без ведома хозяйки. Намереваюсь провести научный эксперимент, для него понадобятся детские музыкальные издания. Сейчас объясню вам, что это такое...

– Книжки, которые играют простые мелодии, – сказала я.

– Верно, ангел мой, – одобрил мою сообразительность профессор. – Мне нужны те, где поизносят короткие фразы. К примеру: «Пора обедать», «Идем купаться». Вы разрешите их использовать?

– Непременно разрешила бы, только у нас в библиотеке таких нет, – засмеялась я.

– А где их берут? – спросил ученый.

– Я скоро буду дома и привезу книжки, – пообещала я.

– Огромное спасибо! Очень мило с вашей стороны! – на-

чал рассыпаться в благодарностях Роман Борисович. – Мне неудобно, что вас беспокоил.

– Ерунда, – остановила я его, – все равно я обещала Кисе отвести ее после садика в магазин игрушек.

– Киса ходит в группу? – спросил профессор. – Как это мило! Прекрасно! Жизнь чудесна! Столько всего интересно-го появилось в последнее время. Жаль, что ничего подобного не было, когда была жива моя Танечка. Она так тосковала в одиночестве. У меня сердце разрывалось от сострадания, на нее глядя. Но что я мог сделать? Приходилось ходить на службу. В советские годы за соблюдением трудовой дисциплины очень строго следили, за опоздание даже увольняли. А групп вроде той, куда ходит ваша Киса, не было. Бедная моя Танюша! Ничего-то ей хорошего не досталось. Знаете, она прожила двадцать четыре года. Я по ней до сих пор тоскую. Евлампия, душа моя, не забудете про книжечки?

– Конечно, нет, – пробормотала я.

– Жду вас с нетерпением! – воскликнул профессор. – Евлампия, любезная моя, хочу угостить вашу Кису, но, естественно, обязан спросить у вас: что ей можно дать? Есть странные люди, которые, не поинтересовавшись у родителей об уместности предпринимаемого шага, могут дать малышу вредные сладости или неподобающие игрушки. Отлично помню, как один мой аспирант, замыслив подольститься ко мне, подарил моей дочке Розочке... резиновый череп. Хороша игрушка для трепетной трехлетней девочки! Как вам

это, а?

Ответить я не успела, мобильный сообщил:

– Извините, связь прервалась.

Я выдохнула. Понятия не имела, что у Нины была сестра, которая скончалась в двадцать четыре года. Еськина никогда не рассказывала о трагедии, случившейся в ее семье. Хотя, если вспомнить, как Роман Борисович сокрушался об отсутствии во времена раннего детства бедной Танечки садиков для малышек, то становится понятно: безвременно ушедшая из жизни девушка, похоже, родилась сразу после Второй мировой войны или даже во время нее. И, оказывается, у Романа Борисовича есть еще дочь Роза, которой в три года преподнесли в дар резиновый череп. А я-то полагала, что хорошо знаю семью Нины...

Телефон снова зазвонил, я опять услышала голос профессора.

– Так чем можно угостить девочку? Я имею в виду вашу Кису.

– Она ест все, – ответила я, – в разумных количествах, конечно. Скажем, конфеты не более двух штук в день.

– Сегодня вы уже угощали Кису лакомством? – спросил Еськин.

– Нет, она утром ушла в садик, – пояснила я, – а воспитательница просит не давать детям сладкое, они завтракают в саду.

– Удобно попросить вас разрешить мне угостить малышку

парой конфеток? – спросил Роман Борисович.

– Пожалуйста, пожалуйста, она очень обрадуется, – ответила я.

Притормозив у ворот детского сада, я припарковала машину, пробежала по дорожке до двери, открыла ее и увидела на стене прихожей объявление: «Дети выдаются на руки исключительно лицам родственного происхождения при условии опознавания. В посторонние руки дети выдаются при условии оформления лицами родственного происхождения доверенности на выдачу ребенка. Принимающее ребенка лицо должно быть в чистой одежде, обладать разумной речью, уметь ответить на вопросы о своей прописке. Лицам в грязной или спецодежде, имеющим на лице признаки алкогольного, наркотического и табачного отравления, разговаривающим нецензурной бранью или имеющим на лице симптомы таких заболеваний, как корь, краснуха, ветрянка, скарлатина, коклюш, дифтерит, аппендицит, СПИД, сифилис и прочие инфекции, дети не выдаются даже при наличии доверенности от лица родственного происхождения. Завсадом «Солнце рассвета» И.Ф. Бункина».

Я несколько раз перечитала объявление. В голове вертелись вопросы. Человек, написавший сей опус, учился в школе? Почему бы составителю сего дацзыбао не указать просто: пьяницам и наркоманам детей не отдают. Как можно иметь на лице симптомы аппендицита? Отросток слепой кишки находится в животе. И, кстати, разве его воспаление являет-

ся следствием инфекции? Не подозревала, что аппендицитом можно заразиться.

– Можете не изучать плакат, – заговорила со мной женщина приятной внешности, выходя из коридора, – к вам, Евлампия Андреевна, мои предупреждения никак не относятся. Веди себя все родители как вы, у нас бы проблем не было. Ваша Киса чудо, а не девочка. А где ваша няня? Вы ее уволили?

– Нет, нет, – поспешила возразить я, – у нее отпуск.

– Очень милая женщина, – сказала заведующая садиком Инга Федоровна. – Давно заметила, если семья приятная, то и прислуга в ней соответствующая. Ваши на прогулке. У Кисы такой забавный комбинезон.

– Его ей брат из Америки прислал, – объяснила я. – И это он сестричку в раннем детстве Кисой назвал. И правда смешная одежда. Сделана под кошку – сверху искусственный полосатый мех, капюшон с ушками, сзади хвостик. Забавно. Девочка в восторге. Комбинезон она получила в сентябре, так еле холодов дождалась. Пойду во двор за малышкой.

– Подождите! – остановила меня Бункина. – Евлампия Андреевна, у вас ведь вроде собаки живут?

– Мопсы, – улыбнулась я, – Фира и Муся.

– У меня к вам просьба, – затараторила Бункина. – Видите ли, моя доченька дизайнер одежды для животных. Она очень хочет раскрутиться, и тут ей повезло – Анюту пригласили показать ее комбезики на собачью выставку. Вот это удача!

Там будет много прессы. Понимаете?

– Не совсем, – осторожно ответила я.

– Сделайте одолжение, пусть ваши собачки послужат моделями, – заняла Бункина.

Я попыталась отказаться.

– Мопсихи без меня испугаются, они не приучены к светским мероприятиям.

– Так, конечно же, собаки будут с хозяйкой, как иначе! – оживилась Инга Федоровна. – Вы же нас выручите? У нас никого знакомых с песиками нет. Пожалуйста! Вы же понимаете, как я переживаю за свою дочурку? Буду вам очень благодарна. Так что, можно рассчитывать на Фиру и Мусю?

А теперь задам вопрос, что называется, на засыпку. Кто из родителей сможет отказать в помощи заведующей детским садом, куда ходит их ребенок? Естественно, я изобразила радость.

– Конечно, с удовольствием. Когда мероприятие?

– Я вам позвоню, – пообещала Бункина, – сообщу всю информацию.

Мне пришлось улыбнуться.

– Хорошо.

Глава 9

Домой мы явились через час. Детский садик находится в минуте ходьбы от нашей квартиры, но я и малышка сначала пошли в магазин, где купили детские книги для Романа Борисовича и большой пазл для Кисы, она обожает складывать головоломки.

Едва мы очутились в холле, как из комнаты бодрой рысцой выбежал Роман Борисович с пакетиком в руке.

– Какая большая Киса! – воскликнул он. – Прямо гигант. Она ко мне подойдет?

– Конечно, – удивилась я вопросу. – Киса, это Роман Борисович.

– Кис-кис-кис, – забормотал профессор, открывая маленький пакетик, который держал в руке, – кис-кис-кис. Хочешь конфетку? На!

Профессор положил на ладонь коричневый кругляш и протянул девочке.

Меня удивила манера общения Романа Борисовича с ребенком. Но ученому очень много лет, и, наверное, воспитанием детей в его семье занималась их мать. Некоторые мужчины очень любят своих отпрысков, готовы оплачивать разные покупки для них, визиты педагогов, но проводить время с малышами не хотят. И всегда находят достойный повод, чтобы не идти с ребенком на прогулку, в зоопарк или

не остаться с ним наедине дома. Скорей всего, Роман Борисович из числа таких отцов.

– Кис-кис-кис, – твердил профессор, поднося к лицу девочки ладонь, на которой лежали две конфеты. – Ну же... кис-кис-кис...

Киса аккуратно взяла одну штучку, положила в рот и начала жевать.

– У нее пальцы! – изумился Еськин.

– Конечно, – сказала я. – А что должно быть?

– У моих были когти, – пробормотал Роман Борисович, – у Танечки, Катеньки, Розочки... У всех.

Я оторопела. У ученого появлялись на свет мутанты?

– Кис-кис-кис, – снова засюсюкал профессор. – Кто у нас второй конфеткой полакомится?

– Не я, – ответила Киса, – спасибо, больше не хочу.

– Ей не понравилось? – огорчился Роман Борисович. – В магазине сказали, что это самое наивкуснейшее лакомство.

– Гадость, – оценила угощение честная Киса.

– Так нельзя говорить, – остановила я ее, – Роман Борисович тебя от чистого сердца угостил. Поблаговари его как надо.

Киса развела ручонки в стороны, сделала книксен и вежливо сказала:

– Спасибо, Барабан Сосисович, за то, что вы мне от чистого сердца гадость принесли. Я наелась. Больше не хочу. Сейчас меня стошнит.

Я еле-еле удержалась от хохота. Барабан Сосисович! Нине понравится, как Киса переделала имя Романа Борисовича.

А тот вдруг закричал:

– Она разговаривает! Евлампия, Киса умеет произносить человеческие фразы!

За годы дружбы с Ниной я поняла, что ее отец необычный человек. Ну кто из вас может читать на ночь Платона? Да еще вместо того, чтобы мирно заснуть на втором абзаце, бегать по комнате и громко спорить с Эмпедоклом?¹ Кстати, вы знаете, кто он такой? Я – нет. Просто запомнила имя, которое Роман Борисович часто повторяет.

Будучи слишком образованным в области философии, психологии и истории, Еськин одновременно удивительно наивен в быту и совершенно технически безграмотен. Однажды я наблюдала, как профессор подошел к чайнику, несколько секунд смотрел на него, а потом забубнил, явно обращаясь к самому себе:

– Так... Сосредоточься. Сконцентрируйся. Изучи предмет. Сделай вывод. Это не печка для разогрева еды – та висит у холодильника. И не хлебница – она стоит на подоконнике. Ага, передо мной чайник! Он-то мне и нужен!

Но даже для Еськина странно поражаться тому, что девочка, которая ходит в садик, разговаривает.

¹ Эмпедокл (род. ок. 490 г. до н. э. – ум. ок. 430 г. до н. э.) – древнегреческий философ, врач, жрец. Его труды «О природе» и «Очищения» (иначе «Искупления») написаны в форме поэм. – Здесь и далее примечания автора.

– Я и читать умею, и стихи наизусть знаю, – принялась хвастаться Киса, расстегивая комбинезон и вылезая из него.

Роман Борисович охнул и уронил пакетик, который держал в руке. Киса подобрала его и, решив продемонстрировать свои таланты, начала громко читать текст на обертке:

– «Лучшие рыбно-злаковые капли для кошек всех возрастов. Не более десяти штук в день». Лампа, что такое по-псы?

– Капли, – машинально поправила я. И вздрогнула. – Барабан Сосисович, вы угостили девочку лакомством для животных?

Не успел вопрос вылететь изо рта, как я разозлилась на себя: Лампа, не смей, как маленькая, называть старика учебного Барабаном Сосисовичем!

– Она ребенок... – выдохнул Еськин. – Живой, человеческий...

Я не поняла, почему мой гость так поражен.

– Конечно.

– Но, Евлампия, вы же сказали – Киса, – протянул Роман Борисович. – Естественно, я решил, что вы ведете речь о кошках, поэтому и рассказал про Танечку, которая была британкой, и про Розочку, которой игрушку в виде черепа подарили.

– Так они кошки! – обрадовалась я. – Одна дожила аж до двадцати четырех лет! А я-то...

Я вовремя прикусила кончик языка – нельзя признавать-

ся, что я жалела профессора, думая о безвременной кончине его дочерей.

– Девочка Киса? Удивительное имя! – продолжал изумляться Еськин.

Я решила не говорить ему, что это домашнее прозвище ребенка, просто перевела беседу на другую тему.

– Вот книжки.

Роман Борисович взял небольшую стопку и открыл одну книгу.

– Купаться! – задорно произнес женский голос. – Пошли купаться!

Потом заиграла музыка: блям-блям-блям.

Ученый захлопнул обложку и снова приподнял ее.

– Купаться! Пошли купаться! Блям-блям-блям, – повторила книга.

– Восхитительно! То, что надо! – обрадовался академик и перевернул страницу.

– Сколько козочек? – приторно-ласково поинтересовалась та же женщина из книги. – Три козочки и один баран. Бе-бе-бе, хрю-хрю.

Последние звуки меня изумили: вроде козы мекают, а бараны совершенно точно не хрюкают.

Роман Борисович начал открывать-закрывать страничку, книжка зачастила:

– Купаться. Пошли купаться! Сколько козочек? Три козочки и один баран. Бе-бе-бе. Хрю-хрю.

– В жизни так всегда получается, – философски заметила Алевтина, появляясь в холле. – И куда хорошие мужики подевались? Вечно у нас на трех коз один баран. Спрашивается, что баран с козами делать станет? Нам бы пригодился козел. Хотя, может, баран и лучше, хоть в постель не потащит. У козы с бараном ни фи́га не получится под одеялом. Ведь так?

Я потупилась. Ну, для начала – животные не полезут в кровать. И нельзя затевать разговор на такую тему при девочке.

– Я не силен в вопросах интимных утех, – спокойно ответил профессор сиделке, – но, наверное, вы, душа моя, правы. Коза и баран в качестве пары – нонсенс.

– Бе-бе-бе, хрю-хрю, – пропела книга.

– А где поросенок? – удивилась Киса, которая, на мою радость, не заинтересовалась, зачем козе и барану вместе спать укладываться.

– Пора начинать эксперимент, – засуетился профессор и двинулся в сторону коридора.

– Барабан Сосисович, горшок! Вы просили напомнить! – крикнула ему в спину Алевтина. – Ой, случайно вырвалось, Роман Борисович.

– Горшок, горшок, – затвердил академик. – Зачем он мне?

– Вы хотели подарить его Лампе, – напомнила помощница.

Еськин хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ах я мудрый, глупый змий! Ну, конечно! Евлампия, не уходите.

Профессор резво убежал, а через пару минут вновь появился из недр апартаментов. Он нес в руках кадку не очень большого размера, из которой торчало нечто странное. Представьте себе самый обычный веник, ручка которого воткнута в землю, а на пушистом треугольном желто-синем помеле висит... куриное яйцо изумрудного цвета.

– Уважаемая Евлампия, – торжественно произнес Роман Борисович, – разрешите вручить вам уникальное растение, о котором упоминали еще древние греки. Это сцинилла Харабидус Этиус. Когда плод созреет и откроется, вас ожидает великий сюрприз. Если правильно ухаживать за растением, оно вскоре явит вам чудо. А вот тут инструкция, все объясняющая...

И, нежно улыбаясь, Роман Борисович водрузил кадку на стол, затем вручил мне небольшой чемоданчик, похожий на те, в каких женщины хранят свои украшения.

– Открывайте смело, душенька, – велел ученый. – Я хотел отблагодарить вас за доброту и ласку, проявленные ко мне и собаке Антонине, поэтому приобрел сциниллу и все необходимые для ухода за ней приспособления. Видите стаканчик и термометр? Поливать растение нужно водой только двадцати семи с половиной градусов. Заметьте: не двадцать восемь. И ни на деление ниже. Подчеркиваю, двадцати семи с половиной. Это принципиально. Еще тут подкормки, ле-

карства...

– Капли в глаза! – вспомнила я. – Барабан... ой, Роман Сосисович... ох, Борисович, Алевтина вам в глаза не капала?

– Может, не надо? – жалобно спросил профессор. – Они очень кусаются. И толку от них нет. Нина давно меня ими мучает, но лучше видеть я не стал. Слава богу, Аля про них забыла.

– К сожалению, потерянного зрения не вернуть, – вздохнула я, – главное, что вам не делается хуже.

– Не хочу, – по-детски сказал старик.

– Дедушка, – защебетала Киса, обладавшая слухом юной серны и любопытством проказливой макаки, – слов «не хочу» нет, есть слово «надо».

Роман Борисович взглянул на ребенка.

– Это твоя жизненная позиция?

– Хочешь подарочек? Надо слушаться. И фея тебе под подушку что-то хорошее положит, – пообещала Киса.

– Я бы не отказался от нового поясничного отдела позвоночника, – пробормотал ученый, – а то уж очень спина ноет.

– Фея тебя вылечит, – пообещала Киса. – Хочешь, я сама тебе в глазки лекарство налью?

– Упаси бог! – испугался Роман Борисович. – Иди займись своими делами. Могу книжку тебе дать. Очень хорошую.

– Согласна, – обрадовалась Киса.

– Сейчас капли принесу, – пообещала я и поспешила на кухню.

И где тут у нас нужный флакончик? Ага, вот он. На нем рукой Нины написано: «По 2 капли в каждый глаз. После процедуры угости сыром. Если не дается, покажи лакомство».

Я отрезала два кусочка пармезана и пошла в спальню Романа Борисовича. По дороге мне попала Киса, которая тащила огромный том в бордовом кожаном переплете. Похоже, фолиант был очень тяжелым, малышка покраснела и запыхалась.

– Что это у тебя? – удивилась я.

– Барабан Сосисович сказки дал, – пропыхтела девочка, – сказал: «Так интересно, что забудешь, как ко мне приставать».

– Разреши посмотреть, – попросила я.

Киса протянула мне издание.

– Вот!

Увидев название: «Понятия древних греков о смерти. Дорога в ад глазами Эсхила», я прищурилась. Да уж, Киса начнет читать это и никогда не оторвется. Лучше книги для дошкольницы и не найти.

Я попыталась отнять у нее фолиант.

– Барабан Сосисович... то есть Роман Борисович... перепутал, дал тебе не то.

Но Киса цепко держала добычу и не собиралась с ней расставаться.

– Нет! Хочу это читать!

– Тут даже взрослый ни слова не поймет, – возразила я. – Давай вернем сей кирпич дедушке профессору, а ты получишь взамен чудесную книгу про собак.

Обычно покладистая Киса проявила упрямство.

– Нет!

Я потянула том к себе, малышка дернула его назад, мои пальцы не удержали переплет, руки Кисы тоже оказались слабыми. Книга упала на пол, по коридору прокатился гул.

– Купаться! Пошли купаться! – закричал из комнаты Еськина дискант. – Сколько козочек? Три и один баран. Бе-бе-бе. Хрю-хрю.

– А вот всякие глупости про козочек мне давно не интересны, – объявила Киса, пытаясь поднять «кирпич».

И в это самое мгновение раздался звонок в дверь.

Я поспешила в холл и впустила милейшую Любовь Павловну, которая живет под нами.

– Лампуша, – смущенно начала соседка, – у вас ремонт?

– Нет, – удивилась я. – Если слышали звук перфоратора, то мы ни при чем. Кстати, вот интересно, почему никто до сих пор не придумал к этому жуткому прибору глушитель?

– У меня в коридоре люстра упала, – пояснила Любовь Павловна. – Сначала раздался такой звук, словно бегемот со стола спрыгнул, – бу-бух! Светильник закачался и рухнул. Вот мне и пришлось в голову, что у вас в квартире гастарбайтеры мешок с цементом уронили. Приезжие рабочие не очень аккуратны.

– Это книжка плюхнулась, – объяснила Киса. – Интересная очень, но мы с Лампой ее поднять не можем.

Любовь Павловна наклонилась над фолиантом.

– «Понятия древних греков о смерти. Дорога в ад глазами Эсхила». Господи! Кто это прочитать способен?

– Я! – гордо заявила Киса. – Мне интересно.

Глаза соседки стали квадратными.

– Ну и ну!

– Купаться! – полетело из комнаты Романа Борисовича. – Купаться! Пошли купаться. Сколько козочек? Три и один баран. Бе-бе-бе. Хрю-хрю.

– Надо же, эти книжки до сих пор выпускают, – неодобрительно заметила Любовь Павловна. – Покупала такие Мишеньке, когда он маленьким был, и возмущалась. Авторы все перепутали! Коза с бараном семью не создаст, про свинку в тексте нет ни слова. И кто из них хрюкает? Я звонила в издательство, там пообещали исправить ошибки. Но, видимо, воз и ныне там. Киса, я думаю, музыкальные книжки тебе больше подойдут, чем эта... громила. Лучше поиграй с ними.

– Я уже большая, глупостями не интересуюсь, – серьезно ответила девочка. – Они для Барабана Сосисовича, он их изучает.

– Купаться! Пошли купаться! Сколько козочек? Три и один баран! Бе-бе-бе. Хрю-хрю, – неслось по коридору.

– И-зу-ча-ет? – по слогам произнесла соседка. – Вот это?

Про бе-бе-бе и хрю-хрю? А кто такой Барабан Сосисович?

– Дядя старенький, – ответила Киса. Потом она наклонилась и начала толкать лежащую на полу книгу вперед по коридору, приговаривая: – Если нельзя поднять, можно отпихнуть.

– Отпихать, – машинально поправила я.

– Отпихнуть, – озвучила свой вариант Любовь Павловна.

– Толкать, – нашла я нужное слово. Затем пояснила соседке: – Барабан Сосисович – это Роман Борисович, доктор наук, профессор, энциклопедического ума ученый.

– А-а-а-а, – протянула соседка, – ясно.

Пообещав купить новый плафон для люстры взамен разбившегося, я проводила Любовь Павловну, постучала в дверь комнаты отца Нины и вошла туда со словами:

– Давайте капнем в глаза.

– Вы же не оставите меня в покое? – вздохнул Еськин. –

Если я отвечу «нет», будете настаивать?

– Да, – кивнула я, – угощу вас потом сыром.

– Иногда надо просто смириться, – пробормотал ученый и сел в кресло.

Я быстро выполнила процедуру, Роман Борисович ойкнул.

– Сегодня лекарство особенно сильно щиплется. Будто мыла напустили.

Я поставила на столик блюдце с двумя кусочками пармезана.

– Это вам за терпение.

– Нужно съесть? – протянул ученый. – О господи! Хорошо. Только разрешите не сразу лакомиться. Я понял, у меня новый медикамент. Нинуша сообразила, что старые капли не помогают, а новые работают по принципу Мармолета. Сыр? Ясно. Проглочу минут через десять, когда глаза гореть перестанут. Спасибо, душенька!

Я, не став уточнять, что такое принцип Мармолета, ушла из гостевой комнаты.

Глава 10

Утром, войдя в офис, я сделала несколько звонков и узнала, что Марина Гавриловна Калинина пребывает в полном здравии, а вот Светлана Звонкова в тяжелом состоянии находится в реанимации.

– Кто-то их всех убил, – сделал вывод Виктор, слышавший мою беседу с доктором.

– Елена пока жива, – сказал Макс, входя в комнату, – но врачи не могут понять, что с ней.

– Аналогичная ситуация со Светланой, – вздохнула я. – Давайте подведем итог. Рыльские погибли все, кроме Елены, но она очень плоха. Умерла Наташа Якименко, гражданская жена Вадима, на краю смерти ее ближайшая подруга Звонкова. Это эпидемия какой-то болезни или их всех кто-то убивает?

– Сейчас приедут Никита и Лиза Волковы, – сообщил Макс. – Вероятно, они что-нибудь знают. Возможно, у Вадима были враги.

– Деньги! – воскликнул Глебов. – Боксер ведь получал нехилые гонорары. Он побеждал на разных соревнованиях, но основной заработок ему приносили рекламные контракты. Кстати, я составил список товаров, которые Вадим советовал людям есть, пить, носить...

– Внушительный перечень, – ответил Макс, взяв из рук

нового сотрудника листок.

– Обратите внимание: все производители не российские. Соответственно, деньги платили по своим расценкам, – заметил Виктор. – Наши звезды счастливы, если им двести тысяч рублей пообещают, а Рыльский, полагаю, за такую сумму даже бы не чихнул. Интересно, сколько он собирался получить от корпорации «Вукс»?

– Что она выпускает? – полюбопытствовала я.

– Белье для занятий спортом, для улучшения здоровья, – начал объяснять Глебов. – Еще всякие БАДы. Вадим в рамках контракта с «Вукс» участвовал в фотосессии для мегапопулярного мужского журнала, снимался в одних трусах, которые имеют охлаждающий эффект.

Я поежилась.

– Жуть.

– Летом прикольно, – возразил Виктор, – между прочим, парень ничего так смотрелся, девицы, видимо, спелыми грушами к его ногам валились.

– Слышу в твоём голосе зависть, – усмехнулась я.

– Вот еще! – фыркнул новичок. – Мне дурочки, которые бегают за знаменитостями, не нужны.

– Вадим и правда был весьма симпатичным, – отметил Макс. – Лампа, как он тебе?

Я посмотрела на экран его ноутбука.

– Блондин, одет в синий свитер, который делает его голубые глаза бездонными, мужественное выражение лица, от-

крытая улыбка, шеренга белых зубов, кольца на пальце нет. Понятно, почему девчонки по нему с ума сходили: молод, красив, богат. Прямо принц.

– Здесь он представлял одеколон после бритья, – уточнил Макс. – Слоган этой рекламной компании: «Покупая ему, радуешь себя». Производители обращались не к мужчинам, которые должны приобретать парфюмерию, а к их женщинам. Кстати, под разными фотографиями Рыльского разные подписи. «Запах сведет тебя с ума», «Он уйдет, аромат останется»... Ну и так далее. А вот снимки Вадима для фирмы «Вукс», по-моему, на грани фола.

Я взглянула на очередную фотографию и не удержалась от возгласа:

– Он что, совсем голый?

– Вот на такую реакцию фирма и рассчитывала, – засмеялся Макс. – Нет, на парне белье телесного цвета, которое имеет более темный окрас в самом интимном месте, поэтому боксер в первый момент кажется полностью обнаженным. Только спустя секунду зрителю становится ясно – спортсмен снят в трусах.

– Фигура у него красивая, – не могла не отметить я, – одни мышцы.

– Так Рыльский же весь день напролет тренировался, – засопел Виктор, – кабы я по двенадцать часов грушу лупил, выглядел бы даже лучше. И все боксеры дураки. Их с детства по башке бьют, что отнюдь не способствует мыслительной

деятельности.

Я сделала вид, что не слышала последнего высказывания.

– Ты сказал, что незадолго до смерти Вадим вел переговоры с фирмой «Вукс»?

– Ну да, – согласился Глебов, – только подписать бумаги осталось, но не успели.

– А тут в журнале уже есть реклама «Вукс», где Вадим во всей своей красе снят, – договорила я. – Как это получилось? Боксер начал работать до того, как подмахнул документы?

– Как бы не так, – рассмеялся Витя. – Думаю, он без оплаты бы и со стула не встал. Сначала фирма наняла парня на одну фотосессию – пиарщики «Вукс» хотели проверить, клюнет ли рынок на симпатяшку. Дело пошло успешно, и Рыльскому предложили контракт на запредельную сумму. Вот такую...

Глебов написал на листке цифру и показал мне.

– Ого! – воскликнула я.

– Сколько нам всем надо пахать, чтобы половину этого иметь? – не успокаивался Глебов. – А для Рыльского несколько дней съемок, и денежки летят на счет.

– Цифра, которую ты сейчас изобразил, является коммерческой тайной, – поднял бровь Макс. – Где раздобыл сведения?

Виктор гордо вскинул подбородок.

– Когда я учился на юрфаке, подружился с ребятами, которые потом стали успешными адвокатами, у них много зна-

менитых клиентов. Правда, Рыльского среди них не было, но парни постарались и нашли мне информацию.

Дверь кабинета приоткрылась, в щелку просунулась голова нашей новой секретарши.

– Посетители в малой переговорной, – сообщила Вера.

Макс встал.

– Тащи туда чай-кофе, мармелад из соловьиных яиц, варенье из буки-муки.

Я вышла в коридор и услышала продолжение разговора мужа и помощницы, нанятой день назад.

– У меня только печенье и конфеты, – опечалилась девушка. – Ну, такие, где Топтыгины на деревьях, забыла, как они называются.

– Мишки на лесоповале, – подсказал Макс. – Нехорошо, Вера, неправильно. Сходи в супермаркет за тем, что я упомянул, и обязательно купи.

Глава 11

Когда мы вошли в переговорную, мужчина, сидевший за столом, встал, на секунду мне показалось, что передо мной Вадим Рыльский. Никита оказался похож на своего друга, словно брат-близнец, – блондин со спортивной фигурой, с голубыми глазами, одетый в синий свитер. Как будто ожила реклама мужского парфюма, которую мы только что рассматривали.

– Спасибо, что приехали, – поблагодарил Макс, усаживаясь в кресло.

– Вадик был нам как брат, – заговорила красивая шатенка в жилете из чернобурки, надетом на ярко-красное платье. – Когда говорят, что хотят побеседовать о Рыльском, Никита сразу любое дело бросит. Но мы не понимаем, зачем понадобились. Вадик умер.

– Это Лиза, моя жена, – представил спутницу Волков, – она же пиар-агент и адвокат. Я без нее как без рук и языка.

– Вы просто копия Вадима, – заметила я. – Вернее, его снимка, рекламирующего мужской аромат.

– Близкие друзья из-за родства душ часто делаются похожими, – кивнула Елизавета. – Нас попросили приехать, чтобы обсудить внешность Кита?

– Нет, – спокойно ответила я, – простите за неуместное замечание. Вы в курсе, что вскоре после внезапной кончины

Вадима из жизни ушли его родители – Сергей Николаевич и Галина Алексеевна?

– Замечательный вопрос, – желчно отреагировала Волкова. – Если учесть, что тетя Галя с дядей Сережей всю жизнь дружили с родителями моего мужа, то, конечно, нет, мы не знаем, ничего про это не слышали.

Никита обнял жену, объяснив ее язвительность:

– Лиза очень переживает, извините. Да, родители Вадика не вынесли смерти сына. Вообще не представляю, как это пережить можно. Страшнее ничего нет.

– Простите за неадекватную реакцию на ваш вопрос, – пробормотала молодая женщина. – Меня до сих пор потряхивает, когда вспоминаю, как позвонила в квартиру Рыльских и услышала голос Лены: «Лизочка, мама ушла к Вадику и папе. Я теперь совсем одна». Стараюсь ей почаще звонить, но не всегда получается.

Меня охватило беспокойство.

– Когда в последний раз вы беседовали с сестрой боксера?

– В субботу, – ответила Волкова, – позвала ее к нам на пирог из киселя. Ленусик его обожает.

– Пирог из киселя? – удивилась я. – Это что такое? Как кисель можно испечь?

Лиза улыбнулась.

– Это очень старый рецепт, советских времен. В магазинах продавался сухой кисель в брикетах, стоил он три копейки. Для пирога нужно двести пятьдесят граммов сухо-

го киселя. В прежние времена это был один брикет, но теперь упаковки меньше, придется купить два пакетика. Остаток спрячьте для другого раза. На пачке указан срок годности, но знаете, по моему опыту, это продукт вечный, вообще не портится. Что еще надо? Сто семьдесят граммов пшеничной муки, одна чайная ложка разрыхлителя. Если его нет, можно обойтись половинкой чайной ложки соды, которую надо погасить лимоном. Последние ингредиенты – три куриных яйца и сто восемьдесят граммов сливочного масла. Масло топим на плите, оставляем остыть. Муку высыпаем в миску, туда же разрыхлитель, перемешиваем. Внимание! Если берете погашенную соду, то ее в муку не выливаете. В муку кладете только сухой пекарский порошок. Это важно. Кисель мелко крошите, можно по нему скалкой пройтись, соединяете с мукой, разрыхлителем, перемешиваете. Добавляете туда три яйца и растопленное масло. И если у вас сода с лимоном, кладете ее в тесто на этой стадии. Все перемешиваете, выливаете в форму, смазанную растительным маслом без запаха, и ставите в духовку, нагретую до двухсот градусов, минут на тридцать пять – сорок. Духовые шкафы у всех разные, поэтому сами время выпечки определите. Зубочистку в пирог воткните, если сухая вынется, все готово. Отличный пирог получается, вкусный невероятно. И денег много не потратите, и не будете прыгать три часа, готовя тесто. Совет: кисель лучше брать клюквенный, брусничный или вишневый. С остальными ягодами лично мне совсем не нравит-

ся. Ананасовый вообще дрянь.

– Обязательно попробую, – пообещала я. – Похоже, вы отменная кулинарка.

– Если женщина к тридцати годам не научилась готовить, ей следует повеситься, – усмехнулась Лиза.

– Моя жена образцовая хозяйка, – с гордостью заявил Никита.

– Я веду сайт «Счастливый дом чемпиона Волкова», – объяснила Лиза, – его ежедневно тысячи людей посещают. Там есть кулинарная страница, советы по уборке, ну и так далее. В целях пиара запущен.

Максим прервал пустую болтовню Елизаветы.

– Лена к вам в субботу приехала?

– Нет, – ответила Лиза. – Она простудилась, у нее были насморк, кашель и все такое. А в воскресенье мы с Китом улетели на бой, вернулись вчера, очень устали. И тут нам от вас позвонили. Что случилось?

– Неприятно быть вестником беды, – вздохнул Макс, – но вынужден сообщить: Елена попала в больницу, состояние тяжелое.

Волкова вскочила.

– А мы тут сидим, пирог обсуждаем! Кит! Поехали!

Блондин встал.

– Понимаю ваше желание кинуться к подруге, – остановила я Елизавету, – но вас к Рыльской не пустят, она в реанимации.

– О боже... – прошептала Волкова, опускаясь на стул. – Господи! Все так плохо?

– Не очень хорошо, – осторожно ответила я. – У Вадима были враги?

Пара переглянулась. Елизавета скорчила гримасу.

– Ну что вы, откуда недоброжелатели у чемпиона, который легко посылал всех соперников в нокаут, получал многомиллионные гонорары, был любимцем прессы, активно делал карьеру на Западе? Рыльского все обожали, любили, только доброе о нем за глаза говорили, ни одна душа на свете Вадику не завидовала... Издеваетесь? Конечно же, его все ненавидели! В лицо дифирамбы пели, а за спиной желали, чтобы он руки-ноги переломал. Знаете, когда товарищи спортсмена обожать его начинают? Тут работает правило трех «б»: когда он больной, бедный и бездарный.

Елизавета схватила чашку с кофе и одним махом опустошила ее.

– Лизон, успокойся, – попросил ее муж. И повернулся ко мне. – Вадим мне братом был, и Лиза его таковым считала. Вечно она в бой кидалась, если кто гадости про Вадюху говорил. Я ее умолял не нервничать, разве дураков заткнешь?

– А я не могу быть спокойной! – воскликнула Лиза. – Сидят у компьютеров, жирные, животастые, задницу от стула оторвать не могут, на второй этаж по ступенькам не поднимутся и строчат в интернете: «Боксер Рыльский такой да сякой». У-у-у! Чтоб им всем сдохнуть! Жрут попкорн, ковы-

ряют в носу и говорят: «Мы навеки со спортом, очистим его от продажных спортсменов».

– Вадима подозревали в нечестности? – уточнил Вульф.

Елизавета всхлипнула и выдернула из пачки бумажный носовой платок.

– Мне трудно разговаривать, ком в горле мешает. И холодно что-то, прямо трясет меня.

Макс нажал на кнопку селектора:

– Вера, принеси горячий чай и все к нему.

– Нет, – вместо жены ответил на вопрос Никита, – к Вадиду никогда претензий не предъявляли. Он бы не получил рекламные контракты от западных фирм, имейся на его репутации хоть намек на темное пятно. Но Лиза права, Рыльского в околоспортивном мире терпеть не могли, гадости ему всякие делали.

– Например? – заинтересовалась я.

Волков погладил жену по плечу.

– Первый раз Вадька с проявлением недоброжелательности в шестнадцать лет столкнулся. Он турнир выиграл, получил какие-то смешные деньги. Но ведь чемпион! И этот титул первым в копилку упал. Ездили мы тогда все вместе, скопом, в автобусе, на поезде, катались по России и ближнему зарубежью. Обычно бытовые условия оказывались гаже некуда, нас могли всех в очень дешевой гостинице в одной комнате поселить. Через неделю команда в каком-то турнире участвовала. Вадик вышел на ринг, начал бой, и через ко-

роткое время руки у него неимоверно защищало. На морально-волевых качествах он до конца дотерпел, а когда перчатки снял, все ахнули. Ладони, тыльная сторона кисти – все было красное, кое-где язвы наметились. Тренер затеял расследование и выяснил, что один парень намочил бинты, которыми руки под перчатки обматывают, какой-то дрянью. Забыл, как она называется. Ничем гадость не пахла, быстро высохла, а во время боя Вадик вспотел и пакость попала на кожу, стала ее разъедать. После этого случая я стал за вещами друга приглядывать. Но постоянно-то за его сумкой следить не мог. Потом он поставил условие: «Наташа тоже везде с нами будет ездить, она мой помощник».

– Якименко помогала боксеру? – уточнила я.

– Она его сиамским близнецом была, – сказала Лена. – Нет, рыбой-прилипалой.

– Вам Ната не нравилась? – задала я откровенный вопрос. Елизавета поджала губы и выпалила:

– Нет!

– Лиза... – с укоризной покачал головой Никита.

Жена отмахнулась.

– Я никогда не вру и сейчас не стану. Наталья использовала семью Рыльских.

– А мы другое слышали, – поддел ее Макс, – что Вадим пользовался всеми бонусами женатого человека, но не спешил взваливать на свои плечи ответственность за гражданскую супругу.

– А-а-а, – протянула Лиза. – Слышу знакомый гнусавый голос Светланы, лучшей подруги нашего аленького цветочка. Небось Светка спела вам трагическую арию о несчастной сиротинушке, которая жильё продала, чтобы Вадик у Ника Криса обучался.

– Это неправда? – прищурилась я.

– Трешку она на самом деле с рук сбывла, – нехотя признала Волкова, – но потом своего не упустила. Когда Вадюша в гору пошел, Натка стала его секретарем, юристом, пиарщиком, никого к телу Рыльского не допускала, только через себя. Образование у нее ерундовое было, в контрактах Якименко ничего не понимала, но занималась договорами. Везде за Вадиком как тень следовала. Серый кардинал. Поссорила Рыльского с семьёй.

– Минуточку! – остановил Макс негодующую девицу. – Они же жили вместе. И мы слышали, что Наталья была у Рыльских бесплатной домработницей.

– Ой, не могу! – захохотала Лиза. – Вот же вранье!

– Натка у них готовила, стирала, убирала, – неожиданно встал на защиту Якименко Никита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.